

І. М. М. О. В. Т. А. І.
КЛЪС КАЙМАНОВ

РАБЫ
БЕССМЕРТЯ

16+

Ильяс Найманов
Рабы бессмертия
Серия «I.M.M.O.R.T.A.L.», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28737816

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-12687-9

Аннотация

Книга является продолжением книги «Янтарь. Вирус бессмертия» и открывает новую серию книг I.M.M.O.R.T.A.L. о населяющих и нащупывающих пределы Зоны отчуждения ЧАЭС зомби. Главный герой, некробиолог Трофим, продолжает свою деятельность по изучению вируса, но происходящее вокруг слишком быстро меняется. Постоянные бои и стычки, Выбросы, прорывы мутантов и появление нового, агрессивного вида зомби на границах Зоны, заставляют Большую Землю отвернуться от всех находящихся в Зоне сталкеров, наглухо перекрыть для прохода периметр, оставляя им несложный выбор: во что превратиться после своей смерти.

Содержание

Глава 1. Свобода	4
Глава 2. Начало	18
Глава 3. Новый дом	35
Глава 4. База	55
Глава 5. Под кронами	82
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Глава 1. Свобода

Через два часа Трофим был на поверхности, вымотанный на нет, с бледным сталкером на руках, жизнь которого теперь была вне опасности, но он все еще был без сознания. Его тут же окружили свободовцы, человек пятнадцать.

Трофим нашел взглядом Якоря, хмуро смотрящего на него.

– Нашли?

– Нашли, – кивнул Трофим. – Разлом, куда я упал, знаешь?

– Да, – ответил Якорь.

– Возьмите взрывчатку и обрушьте его вниз. Устройте этой твари веселую жизнь, – глаза Трофима сверкнули ненавистью, заразив ею всех окружающих.

– Мы сделаем, Док. Мы все сделаем, – ответил Якорь. – Сизый, Бура, Медведь, по ящику в зубы и на разлом.

Тот час трое огромных свободовцев в светло-зеленых экзоскелетах развернулись на исполнение. Якорь нагнулся к своему другу, который начал приходить в себя.

– Держись, Моль, не родилось еще то, что так просто покончит с нами, – голос Якоря кипел гневом, – Ксенон, Толкач, горючую смесь, бочку до разлома вперед. Я ей покажу, Док, я ей устрою...

***

Два свободовца переложили сталкера на носилки, сняв с него рюкзак. Моль, едва открыв глаза, нашел взглядом Трофима, хотел что-то сказать, но не нашел сил, только безвольно уронил руку, качнувшуюся в такт шагов уносящих его бойцов.

– Здорово его потрепало, Док, – выдыхая дым сигареты, сказал Якорь, провожая друга взглядом. – Так что твои камушки не подействовали? Надкусили нашу Моль ходячие?

Трофим отрицательно качнул головой. Внезапно защитный комбинезон показался ему слишком тесен и душен, он судорожно открыл забрало и вдохнул крепкий утренний воздух с запахом сигаретного дыма. Он вспомнил, как увидел невероятную картину синих облачков артефакта из рюкзака, опутывающих красные камни кристалла, подшитые к прокладке комбинезона.

– Нет, Якорь, работают камушки. Где его рюкзак? – спросил он, ища взглядом снятый рюкзак Моля.

Один из бойцов подал ему рюкзак. Трофим расстегнул его и в отдельном внутреннем кармане, представляющем собой растягивающуюся прорезиненную сетку, нашел артефакт, подобранный в подземной лаборатории. Артефакт в сером свете пасмурного утра Зоны теперь не светился, но его особый синий, похожий на черничный, свет притягивал взоры всех сталкеров.

– Вот из-за него камушки не сработали, – уверенно сказал Трофим.

Якорь вложил сигарету в рот и хмыкнул, осторожно взяв артефакт. Взвесил в руке, пробуя на вес.

– Знатный хабар... Бабушкин клубок. Редкая вещь. Свойств только у нее полезных почти нет, пси-защита немного, но для сильных сборок идет как надо, – сталкер выпустил облако дыма, сощурился один глаз от вернувшегося ему в лицо облака. – Моль давно такой искал, собирает одну лабуду... нашел на свою голову, – Якорь отдал артефакт обратно ученому. – Положи обратно, Док, спасибо, что братана не бросил. Мы уже собирались к вам лезть, вон ребята собрали.

Трофим обвел взглядом команду. Около десятка человек, с автоматами, обступивших говорящих, стояли без лишних слов. Даже не видя лиц, закрытых масками, он чувствовал, насколько серьезно они были настроены.

– Ну лезть вам туда все равно надо будет, – вспомнил он и поманил Якоря поближе к себе, желая негромко сказать ему на ухо.

Сталкер выкинул окурок и наклонился.

– Там артефактов за большими воротами накопилось под сотню...

Брови Якоря приподнялись, он непроизвольно поднял руку и попытался натянуть комбинезон капюшона на лоб.

– Понял тебя, Док, давай дуй к костру, отдохни, а мы тут с бойцами разберемся.

Трофим кивнул и двинулся в сторону изб Пепелища.

Спать хотелось невероятно, вчерашний бесконечный день, бессонная ночь, два часа буксирования сталкера по подземелью – все это именно сейчас начало валить его с ног. Добравшись до одной из изб, где сидел всего один человек, Трофим, не помня, как поздоровался со сталкером, расстелил чей-то спальный мешок и, не раздеваясь, завалился на него, уйдя в долгий, глубокий, восстанавливающий сон.

Проснулся он после обеда. Пепелище оживилось, вчера отбившееся от нескольких квадов долговцев, сейчас оно заполнилось бойцами Свободы. Некогда населенный пункт, состоявший из пары десятков домов, из которых более-менее целыми были всего три, половина сгорела, оставив только печные трубы, а оставшаяся часть изб состояла либо из порушенных стен, либо превратилась в развалины, переживал свой пик по количеству живого населения. Человек тридцать бойцов трудились внутри и за пределами деревеньки. Снаружи бойцы минировали подходы и обустроивали огневые точки, укрепляя их бревнами и материалами из развалин, внутри двигали оградки, помечали границы аномалий, чтобы случайно не влететь в них, и опять же готовили деревеньку к обороне.

Напротив Трофима сидел его коллега Берик.

– Ну что, Трофим Аристархович, выспался? Давай поедим, да на Янтарь. Задержались мы, как никогда.

Берик Капезович сидел в комбине зоне Ветер Свободы, подаренный ему группировкой, поскольку его Сева была на

Трофиме. Рядом на костерке в котелке что-то бурлило, и поднимался ароматный пар мясного блюда. Проследив за голодным взглядом Трофима, он хохотнул.

– Вот это правильно, Трофим, я как раз про это и говорю! Иди руки мой, там умывальник, – он указал черпаком. – Я уже накладываю.

Ученого не нужно было просить дважды. Он прошел к умывальнику с вертикальным клапаном-краном, к которому прилагался кусок хозяйственного мыла, влажное полотенце и фляга с ковшиком. Скинул с себя комбинезон и, поливаясь холодной водой, мылясь и фыркая, приступил к водным процедурам.

– Давай полью, Док, – раздался знакомый голос над ухом.

Трофим обернулся. Рядом стоял Моль, без комбинезона, в камуфляжной рубашке, штанах и сланцах.

– О, как самочувствие, Моль? – облегченно спросил Трофим. – Я ж боялся спросить...

– Нормально, Док, отошел уже. Мне Якорь рассказал, из-за чего принял меня твой профессор. Земля ему углем. Надо же, никогда бы не подумал, что клубок так подведет. Я вообще, когда его увидел, думать перестал, – улыбнулся сталкер, набирая ковшик.

– Я вообще за тебя перепугался, пока он мне зубы заговаривал, ты чуть было не отбыл... на шею, ага... вот сюда давай... еще, – командовал Трофим поливающему его водой сталкеру, ловя себя на мысли, что потрясение, пережитое им

прошлой ночью, теперь, казалось, не имело для него значения, все стало как-то проще и прямее.

Никаких сожалений и опасений, никаких Водопьяновых, «лаборантов», Лукасов, зависимостей от начальства, отчетов. Странное чувство, которое он когда-то давно ощущал, будучи влюбленным в свою красавицу-жену... легкость, бесстрашие и уверенность, ожидание и вера во что-то, что-то забытое и такое знакомое... вера в свои силы и в то, что то, что он сейчас делает, является единственно верным для него. Он должен быть здесь и сейчас, он делает то, что делает его существование осмысленным и полноценным, сильным и спокойным, наполненным жизнью и духом, готовым воспрепятствовать всему, что будет мешать этому пониманию себя и окружающего... Наверное, так ощущается свобода. Эта мысль застала Трофима так неожиданно и просто, что он застыл с прижатым к лицу полотенцем, ощущая, как отмирает и обесцвечивается в его памяти Янтарь, коллеги, администрация, его собственные исследования, которые не являются именно тем, что он в действительности считал настоящими открытиями.

– Ну, ты что замерз, Док? – услышал он голос Моля. – Полотенце несвежее? Сейчас крикну, поменяют.

– Нет. Не надо, – Трофим оторвал полотенце от лица.

Вдруг окружающая его деревенька зацвела красками, звуками и запахами. Приятного зеленого и полынного цвета трава, яркие крепкие, хоть и кривые березки, мелкие синие

цветы с ярко-желтым глазком возле стены избы, глубокая шероховатая поверхность бревен приятного темного йодно-го цвета. Некробиолог поднял глаза, с трудом сдержав возглас изумления. Глубокое небо с высокими объемными фиолетовыми облаками, обрамленными белыми перьями движущегося пара, просвечиваемыми местами солнцем, чьи прямые лучи танцевали на земле... «Зона, какая же ты другая... Почему я раньше никогда не видел этого? Может, с водой что-то не так?», – вдруг мелькнула догадка у Трофима. Он заглянул во флягу, ловя в ее отблесках проплывающие облака, которые в отражении стали еще выше и объемнее.

– Вода... Что за вода? – спросил он растерянно.

– Обычная вода, местная из колодца, – пожал плечами сталкер, – мы ею сто лет как умываемся, пьем. Может, науке она и не подходит, а нам, сталкерам, только так, – Моль зачерпнул ковшом из фляги и отпил. – Хорошая вода, Док, зря беспокоишься.

Через минуту они уже были у костерка, где дежурил Капезович, и на грубо сколоченном столике стояла миска с крупно нарезанным местным серым хлебом, только что наполненная тарелка для Трофима, несколько тарелок в стопке, железные кружки, сахар в пакете и ложки. Он тут же добавил еще одну железную тарелку для свободовца и наполнил ее густым ароматным варевом.

– Уважаю хорошего кашевара, – улыбнулся Моль, принимая тарелку и садясь на отпиленный кусок бревна, заменя-

ющий табурет.

– Ас болсын, – пожелал ему приятного аппетита Берик и сам принялся за еду, помогая себе хлебом.

Трофим начал есть, не особо вникая в суть разговора сталкера и его коллеги. У него в голове происходили совсем другие процессы и мысли. Так же погруженный в раздумья, он принял кружку крепкого сладкого чая и, глядя сквозь стену, прокручивал что-то в голове. Наконец, прием пищи был окончен, поставив кружку на стол, он решительно повернулся к свободовцу.

– Моль, ваше предложение еще в силе? – твердо спросил он, глядя сталкеру в глаза.

– Какое? А, да ты что, Док?! Надумал? Так... сейчас, Док, погоди, – Моль привстал и отыскал взглядом в движущихся людях нужного ему человека. – Эй, Шпагат, – Моль пронзительно свистнул. – Зови Якоря, по-быстрому, одна нога здесь, другая там.

Шпагат, невысокий рыжий курносый сталкер с открытым лицом и торчащей из короба за спиной антенной, обмотанной камуфляжной тканью, кивнул и, сориентировавшись по ПДА, метнулся в нужном направлении.

– Это ты правильно, Док, решил. Мы тут столько хабара подняли, хватит тебе две лаборатории отгрохать, еще и сверху останется. Выход у нас на Большую Землю имеется, часть прибытка от нашей с тобой ходки твоя по всем правилам. Скажешь, сколько, мы твоей семье отправим и на побывку

проводим, – сталкер потер руки. – Я скрывать не буду, нам кадровые ученые нужны, и сами не дураки, конечно, но спецы – это спецы, так что, Док, не пожалеешь, – Моль подмигнул Берику. – Ну а ты, Капезыч, давай к нам тоже. Что ты там на Янтаре забыл? Ни души, ни жизни. Условия те же, работай, изучай – не хочу, – сталкер выжидающе уставился на Берика Капезовича.

– Нет, Моль, спасибо. Трофим, ты как-то неожиданно прям, – обратился он к коллеге, обескуражено почесывая лоб.

– Да нет, Берик, на это есть свои причины, и поверь мне, они более чем серьезны.

Трофим еще раз прокрутил в голове, как объект третьей категории, всего несколько дней назад представившийся Юрком, прозвищем из прошлой жизни носителя, спросил его, Гудина Трофима: «А ты. Ты. Помнишь, кто ты?», как профессор, которого, очевидно, похоронили под разломом, кричал, изумленный его негодованием: «Мы с вами уже совсем другие люди. Вы же тоже на стадии гамма, неужели вы не понимаете?», вспомнил, как просвечивались и стали вдруг видимы сердце, кровеносные сосуды, легкие сталкера Моля, который сейчас сидел напротив него и, положив ладонь на теплый шероховатый стол, ожидает, что скажет Трофим... Если его заражение подтвердится, то он станет объектом исследований, и что-то подсказывает ему, что тогда он точно не увидит родных. Да, методы определения виру-

са не совершенны, вирус слишком вариативен. Нередко он сам не мог найти его признаки даже в заведомо зараженных образцах, которые брал у ходячих мертвецов. Что ж, его решение примкнуть к группировке Свобода было единственно верным. Незаметно для Трофима подошел сталкер Якорь и встал, возвышаясь над столом.

– Ну что тут у вас, Моль? – спросил он немного раздраженным голосом. – Надеюсь, не за ерундой меня позвали. Дел невпроворот, сам знаешь.

– Не за ерундой, – успокаивающе махнул рукой Моль и повернулся к Трофиму. – Якорь у нас тут старший, поэтому все к нему. Говори, Док.

– Якорь, – Трофим прокашлялся, – я тут подумал. Мне на Янтарь дороги нет. Поэтому можно к вам в Свободу?

Якорь просветлел лицом, морщины разгладились, он сдержал улыбку и присел рядом с Капезовичем, поправляя усы.

– Так, а ты, Капезович, как? Понесешь науку в массы? – подмигнул он Капезовичу.

– Нет, спасибо. Я уж лучше как-нибудь так... – растерявшись, смущенно ответил он.

– Ну хозяин – барин, – согласился Якорь, – мы тебя навещать будем, может, передумаешь, – пошутил он. – Хорошо. Хорошо, Док, кривляться не будем, бойцов и сталкеров у нас много, а вот инженеры, ученые, хирурги – это всегда добро пожаловать. Как ты работаешь, мы знаем, грехов за тобой

нет, так что... ты принят.

Якорь торжественно пожал руку сталкеру и снова стал серьезен.

– Светить тебя не будем. Конечно, надолго тебя замаскировать не получится, но, главное, вопросы по тебе там, на Большой земле, успеть решить. Лаборанты твои в погребе сидят, про то, что ты вышел из бункера, не знают. Капезыч скажет, что ты не вышел, то есть пропал без вести. Скажет? – обратился он к Берiku.

– Скажу, – кивнул Берик.

– Мы тебя через недельку с родными соединим или на побывку отправим, успокоишь, скажешь, что уволился, перешел на более интересную и выгодную работу. По деньгам тоже все решим, мы не жадные и не бедные, особенно сейчас. Так, что еще? Теперь, Док, тебе к нам на базу на Армейские склады надо. Скоро сюда сохатые попрут, выбивать нас с точки будут, но мы приготoвились, обломаются. Такую поляну и подземный городок отдавать нельзя. Нашивки тебе пока не понадобятся, далеко все равно ходить не надо. Там я подскажу, встретят, расположат, походишь, освоишься, выберешь себе место под лабораторию, сделаешь список оборудования и далее, и далее... Но идти надо сейчас, с нашими ребятами. Готов?

– Надо – так надо, – кивнул Трофим. – Берик, комбинезон оставишь?

– Забирай, Трофим, раз такое дело.

– Добро, добро. Все, Док, времени мало, я сейчас мужикам свистну, пойдете на склады. Кнопку только отстегни, Капезычу отдай, а ты, Берик, тоже собирайся, надо тебя и ваших «лаборантов» навстречу сохатым отправить, так и нам проще, и им минус. А то попадете под местную раздачу, они разбираться не будут, извиняться тем более, – скомандовал Якорь. – Я пошел, мы штаб вниз переносим, нашли хороший погребок с надежным перекрытием... Все вопросы к Молю, Док. Все пока, на базе увидимся, – он хлопнул Трофима по плечу и покинул троицу.

Трофим сидел, пытаюсь сообразить, как и что он сейчас будет делать. Все оказалось так неожиданно быстро и просто, хотя ему, наверное, казалось, что с его переходом в Свободу должно было произойти что-то памятное, гром, молния, небо упасть вниз, зазвучать гимн чего-либо, салюты... Но ничего этого не произошло.

– Ну, брат, добро пожаловать, – сказал Моль, – по-хорошему надо со всей базой отметить это, познакомиться, но не до этого сейчас. Разведка подсказывает, что Долг сюда собирается. Seriously собирается, – сталкер почесал небритую бороду. – Кстати, профессора нашего подземного на ноль перемножили, теперь чисто то место. Воронище образовалось... мама не горюй. Ребята рассказывают, три ящика тротила туда скинули, в разлом, чуть земляной волной не накрыло. Обвалилось все внутрь, а там своя свадьба, воронки, карусели, трамплины... В общем, как давай это все бес-

новаться, разбрасываться, фейерверк такой был... Жженой землей и камнем на сто метров все усыпано и зацементировало все, так что, если этот проход и вел под Янтарь, то теперь его нет. Можешь не переживать, спас ты своих... бывших, – сказал Моль, с очевидным выражением удовольствия на лице представляя картину буйства аномалий. – Артефакты даже выкидывало, немного, но и то хорошо. Наши подобрали и обратно, теперь вот как раз и понесем хабар на базу.

Тут сталкера окликнули. Трофим обернулся, шесть человек в комбинезонах Страж Свободы с пухлыми рюкзаками, полным вооружением махали им рукой.

– Ну что, Док, это за тобой. Мужики у нас понимающие, толковые, сам познакомишься, дорога не близкая, но к вечеру, даст Зона, прибудете. Давай прощайся и в дорогу, можешь не брать с собой ничего, – сказал Моль, повернувшись обратно к ученому.

Трофим встал. Встал и подошел к нему его коллега. Крепкое мужское рукопожатие и объятие.

– Ну, Берик, пока, – попрощался Трофим.

– До свиданья, Трофим Аристархович. Пиши, если что, я выскочу, помогу чем смогу, – сказал Берик.

Трофим повернулся и, застегиваясь на ходу, двинул в сторону ожидавших его бойцов Свободы. Суровый ветер Зоны толкнул его в спину, подгоняя к ожидающим. Моль улыбнулся своим мыслям, глядя, как в такт кивнули низкие кривые березки. Проводив взглядом скоро исчезнувшую группу

пу сталкеров, он повернулся к Берику. Теперь настал и его черед покинуть территорию Пепелища, новый укрепленный район группировки Свобода.

Глава 2. Начало

Пепелище, занятое Свободой, готовилось к обороне. Вырытые и замаскированные огневые точки, под прикрытием аномалий, заминированное направление с нескольких сторон с оставленными тропинками прохода для своих. Датчики движения, консервные банки, стекла, вкопанные под разными углами металлические оградки, установленные замаскированные подъемные осветительные мачты, которые могли подняться на высоту двух метров за секунду и осветить или ослепить противника, запитанные от аккумуляторов на артефактной сборке, – все это делало внезапное появление противника невозможным. Конечно, стая кабанов или других мутантов может здорово всполошить посты, но мутант не всегда был настолько глуп, чтобы переть на автоматы двуногих. Кроме того, группировка оборудовала несколько скрытых точек наблюдения под прикрытием огневых точек из чердаков трех целых изб Пепелища. Ближе к вечеру практически все работы снаружи Пепелища были закончены.

Подземный ход, ведущий в подземную лабораторию X6, был замаскирован и теперь мог открываться и закрываться только снаружи. Сталкеры вынесли оттуда сотню килограмм артефактов, и теперь бегунки по трое постоянно курсировали с Армейских складов на Пепелище с оборудованием и обратно с Пепелища на главную базу с артефактами. Некото-

рые артефакты можно было переносить только в специальных контейнерах, которые сами по себе весили по три, пять килограммов, поэтому взмыленные бойцы иногда напоминали сами себе муравьев, которые колонной тащат ценный груз в свой муравейник.

***

Вечернее, переходящее в ночное, небо простирало свои темнеющие и отсвечивающие холодной сталью хищные крылья облаков над Зоной. К ночи все передвижения останавливались. Ночью даже самые отважные сталкеры, идущие своей тропой, не раз чувствовали на себе пристальный взгляд, стоящий им больших усилий, чтобы продолжить путь. Мутанты ночью становились агрессивнее, для многих это было время кормления, для других – время сражения за свою жизнь. Поэтому разумнее всего было встать на ночлег, разжечь костер и обозначить и тем, и другим, что ты не являешься добычей и не являешься охотником, но если духа на это не находилось, то следовало спрятаться в укромном месте и не подавать признаков своего присутствия. Кроме того, признаки многих аномалий, с трудом определяемые днем, ночью вообще становились невидимыми, что также не придавало уверенности двигающемуся сталкеру, заставляя его остановиться, если он все же хочет встретить следующее промозглое и хмурое утро. Ночью могли двигаться только крайне уверенные в своих силах сталкеры, не считающиеся с мутантами и располагающие достаточным опытом и време-

нем для определения и обхода аномалий. Но кто именно мог двигаться под прикрытием темноты?

Первые две мины прилетели одновременно в разожженные костры свободовцев, раскидав яркие головешки и рассыпав осколки в окружающих их бойцов. Брань и крики всполошили ночь. Невидимый противник, группировка Долг, распределившись на позициях, с приходом темноты начала методичный обстрел из минометов, не торопясь, но и не прохладаясь. В их распоряжении была вся ночь, к утру они планировали разнести все укрепленные точки Пепелища, а с рассветом зачистить их штыком и гранатой. Свободовцы, унося с собой раненых, бросились по заготовленным укрытиям, погасив костры. Еще несколько мин приземлилось на крыши изб, разворотив их, но не в силах обрушить стены. Еще и еще, три миномета без остановки работало по Пепелищу, шаря в темноте сеющими осколками ударами, попадая в аномалии, некоторые из которых глушили силу взрыва, съедая часть осколков, но если мины попадали в жарки, то взрывались на подлете, рассеивая смерть с высоты. Мины корежили оставшиеся коробки изб, рвали березки, с дымным грохотом срывали траву, скрипя разлетающимся металлом в стенах и кирпичных печах. Тем временем несколько бойцов вынесенных за пределы Пепелища контрольных пунктов выдвинулись на подавление минометных расчетов противника. В их преимуществах были скрытность, знание местности и снайперские винтовки. Между тем Пепелище кипело

взбешенными аномалиями, дымом и пылью, неохотно загорелась, но вскоре погасла одна из изб. Бойцы залегли, уйдя по погребам и огневым точкам. Их задачей было переждать удар, а потом встретить противника, который рано или поздно пойдет зачищать Пепелище огнем.

Якорь сидел в одном из погребов, который являлся штабом. Сталкер уже передал бойцам с внешних постов указания. Те, в свою очередь, передали их дальше, сталкерам группировки, застрявшим на марше, те дальше и дальше, пока новость не дошла до основной базы на Армейских складах. ПДА в условиях Зоны работали на ограниченное расстояние, поэтому Якорь не мог быть уверен, что склады получают сигнал. Действовать нужно было самим. Опытные в своем деле бойцы в каждом из схронов расположили аптечки, запасы питья, еды и артефакты для лечения ранений. Потери среди личного состава составляли всего несколько человек, погибших сразу, остальные стремительно восстанавливали силы, рубцевались раны, осколки вытаскивались пинцетами, которые под воздействием артефактов чуть ли не сами выпрыгивали наружу.

Сидевший в штабе за несколькими планшетами Шпагат наконец сообщил:

– Есть. Нашли утырков. Три минометных расчета, каждый под охраной трех квадов.

– Отступить есть куда? – спросил Якорь, чей потемневший взгляд не предвещал ничего хорошего.

Шпагат быстро отправил сообщения группам.

– Два расчета в открытом месте, один в подлеске, – ответил он.

– Кто там из наших с оптикой? – спросил Якорь, имея в виду снайперов.

– Душа, Стальной, Сахарок, – тут же ответил Шпагат.

– А, хорошо... Эти смогут, – оскалился сталкер, – передай, пусть прострелят трубу и уходят. Сахарок в подлеске? Тот пусть по живому стреляет, растяжки во фронт, – распорядился он.

Шпагат кивнул, его пальцы быстрыми пауками пробежали по сенсорным экранам планшетов.

Взрывы, методично разрушающие поверхность Пепелища, продолжались. Один упал над штабом, чуть громче шелкнув в потолок. Якорь сел на скамейку и принялся терпеливо ждать. Он понимал, снайперам нужно было выбрать позиции, чтобы не быть перехваченными при отступлении квадами противника. Душа и Стальной были, что называется, снайперами от бога, всегда несколько раз мерили, прежде чем один раз отрезать, потому и были живы. Душа наверняка выстрелит одновременно с хлопком выстрела из миномета, сделав это невидимо для долговцев, Стальной же попытается пробить трубу вместе с миной, желая вызвать ее детонацию и гибель расчета. Якорь усмехнулся, вполне в почерке Стального. Он как командир всех поступающих в его распоряжение бойцов знал лично и представлял возможности каждого.

Безумцев и нерадивых отправляя на базу, хотя, справедливости ради надо сказать, что таких достаточно быстро отсеивала сама Зона, поэтому только единицы отправлялись назад.

Сахарок. Сахарок не являлся снайпером по природе. Ранее являвшийся больше звероловом, умел делать засады, заматывать следы, выходить противнику в тыл, его Винторез с калибром 9x39 мм СП-5 с желтой полосой на коробке – дозвучившей боеприпас, был, наверное, единственным признаваемый им боеприпасом. Но вот через несколько минут мины стали падать реже, еще через десяток секунд смолк еще один миномет, еще минута, и расчет из подлеска заглох, выплюнув последнюю мину, улетевшую далеко в сторону и грохнувшую за Пепелищем.

Якорь терпеливо ждал сообщения от снайперов. Потеря любого из них будет ощутимой.

– Душа вышел, – наконец просиял Шпагат.

– Хорошо, ждем остальных, – кивнул Якорь, нервно барабаня пальцами по коленке.

– Сахарок говорит: минус два, и один триста красные, – прочитал сообщение сталкера Шпагат.

Якорь кивнул. «Дай сигнал нашим, пусть поднимаются, встречать надо, как Стальной отпишется, сообщи». С этими словами сталкер взял автомат и, сутулясь, чтобы не чиркнуть головой по потолку, который не поднимался вверх над полого поднимающейся лестницей из широких дубовых до-

сок, двинулся к выходу. Между тем Пепелище ожило. Дым и пыль еще не рассеялись, аномалии продолжали пульсировать, постепенно снижая ритм, а бойцы тихо, не подавая световых сигналов, уже заняли позиции в ожидании противника.

Долговцы приняли бой, навязанный им Свободой. Поскольку минометы были выведены из строя, было два варианта: либо отступить и прийти в следующий раз, либо проверить ситуацию боем. Долг ожидал, что артобстрел принес большие разрушения и потери в живой силе, и сейчас, пока враг оглушен, можно будет взять его бронированной лапой и раздавить в норе, как кот мышей. Жаждающая мести группировка выбрала второй вариант. Разделившись на две части, почти по двадцать человек в каждой, они двинули флангами на Пепелище. Левый фланг шел вдоль лесополосы, правый по полю вне пределов прямой видимости. Командующий операцией майор Сизый посчитал позором уйти с поля боя, когда Пепелище возможно было уже смято и обескровлено, в этом и была его роковая ошибка. Фланги, обходя деревню, перешли на движение ползком, скрываясь в высокой траве. Тыл им прикрывали тяжеловооруженные бойцы в экзоскелетах, слишком шумные и громоздкие, чтобы ползти незаметно. Их задача была в том, чтобы пойти прямым ходом на противника по проложенным для них тропинкам, вызывая огонь на себя, после того как первые бойцы Долга достигнут стен и оградок деревни. Вызванный их появлением

огонь обороняющихся будут тут же подавлять практически уже находящиеся у деревни бойцы, таким образом вычисляя огневые точки, действуя четко и слаженно, долговцы рассчитывали выбить Свободу из Пепелища. Но этим планам не суждено было сбыться. Майор Сизый недооценил стремительность и численность возведения укреплений, и наличие минных заграждений противника. После того как в темноте взвизгнуло несколько сигнальных осветительных ракет, а после начали подрываться на минах бойцы, он скомандовал назад, но было уже поздно. Взметнувшиеся вверх осветительные мачты, расположенные по периметру Пепелища, высветили и ослепили подползающих бойцов, шквальный огонь из огневых точек гвоздил их к земле. Огонь экзоскелетов, стоящих в тылу, был не эффективен, кроме того, отступившие снайперы Свободы издали шелкали бронебойными по спинам экзоскелетов, опасно обещая рано или поздно нащупать слабое место в конструкции или пробить броню. Безжалостный огонь обороняющейся группировки в течение получаса заставил всех копошащихся в пыли и траве долговцев замереть либо навсегда, либо притвориться мертвыми и надеяться на чудо спасения. Якорь разумно приказал не покидать пределов Пепелища и не выходить из огневых точек, опасаясь огня снайперов противника и уцелевших, затаившихся в траве долговцев. Игра в кошки-мышки продолжалась, но теперь кошкой была обороняющаяся сторона, а затаившиеся в траве долговцы обескураженными мышами, ищущими

спасения от неминуемой пули с первыми лучами солнца.

Световые мачты яркими полосами освещали едва шевелящуюся под легким ветром высокую полынь, контрастными тенями играющую на не такой видной травяной братии других видов. Выжившие и затаившиеся в траве долговцы видели только спящие диодные фонари, за которыми не было видно ничего. Расстрелять мачту, хотя бы одну, можно было только ценой своей жизни, но это был бы слишком бездарный размен. Прикрывающие экзоскелеты вели огонь со снайперами в противоположной стороне, но и это был слишком неравный бой. Достаточно свободно перемещающиеся снайперы легко и незаметно меняли позиции на знакомой местности, постепенно три из пяти экзоскелетов правого фланга повалились в траву, а на левом фланге ринувшиеся помогать товарищам броней и огневой мощью бойцы, подорвавшись на минах, споткнувшись о вкопанные металлические оградки, потеряли скорость, повалились и были добиты сфокусированным огнем обороняющейся стороны и огнем Сахарка, зашедшему им в спину.

Боец с позывным Овод, один из трех выведенных из строя экзоскелетов правого фланга, получил повреждения и, будучи не в силах управлять поврежденным экзоскелетом, выключил осветительные приборы и нажал кнопку SOS, ожидая помощи. Из скорлупы он выбираться не торопился, снайпер, стрелявший ему в область поясницы, раз за разом разбивая композитную броню, добрался-таки до защищенного

модуля управления ногами, расположенного сзади на поясице, и теперь вполне мог ожидать, когда долговец решит покинуть свою скорлупу, чтобы подставиться под окончательный выстрел. Надо отдать должное противнику, он не пытался испортить экзоскелет, он делал все филигранно и выверено. Каждый раз заходя ему в спину, либо с железными нервами дожидаясь, пока Овод дойдет до предыдущей точки обстрела, обыщет место во всех доступных его экзоскелету спектрах и повернет обратно, чтобы вновь произвести выстрел удаляющемуся бойцу практически с того же места, либо стреляя с другой позиции. Пятиться долго в ночной Зоне Овод не мог, поскольку иначе он бы рано или поздно шагнул в аномалию. Вся эта игра в «догоню-убью» продолжалась почти два часа и осталась за Свободой.

Долговец, лежащий на спине, с поврежденными приводами гидроцилиндров хода молча следил за индикатором желтого цвета, показывающим неопознанный объект, приближающийся к нему. «Давай же, собака, подойди, проверь, живой или нет», – думал долговец, ожидая момента, когда противник приблизится на то расстояние, когда бежать и прятаться ему будет уже бесполезно, чтобы схватиться ему за глотку железными руками и оторвать голову, выкинув ее подальше в аномалию. Если не получится схватиться руками, то пулемет с наполовину полным коробом уравнивает их шансы, он отстрелит ему ноги. Долговец непременно хотел навалиться на врага, заползти на руках на него всей своей по-

что двухсоткилограммовой тушей брони, раздавить, уничтожить в отместку за все те два часа, когда снайпер, издеваясь, разбивал ему механизм. «Давай, давай... все подходите... по одному порву...» – холодно думал он, видя, как уменьшается расстояние, наблюдая теперь три желтые не определенные маячком, запеленгованные детектором жизненные формы. Фигуры шли медленно, треугольником, очевидно, держа его на прицеле, готовые стрелять в любой момент. Овод слегка прикрыл глаза, он дождется их, даст приблизиться вплотную, притворится, что без сознания от потери крови. Умереть он всегда успеет, он даже даст приоткрыть себе маску, чтобы они могли посмотреть на его лицо, а затем он включит прожектор и ослепит светом первого, схватит его, подомнет под себя и не отпустит. Потом, если переживет очереди прикрывающих, возьмется за пулемет и уничтожит их... И только потом вылезет из скорлупы и двинет к своим. Три желтых маячка уже подошли вплотную. Кто-то явно остановился над ним... смотрит, не видимый на фоне черного ночного неба. Усиленный динамиками внешней акустической связи шум подсказывает, что противник присел рядом. Долговец закрыл глаза. Чья-то рука потянулась к маске экзоскелета, пытаясь оторвать или открыть ее, но даже не представляя, где кнопка открывания. «Дикари... дегенераты... вы даже маску открыть не можете, я вас тут всех оставляю...» – зло думал Овод, понимая, что противник ни черта не смыслит в конструкции экзоскелета. Рядом присел еще один враг,

шурша одеждой и броней, и сразу нащупал нужный рычажок под подбородком. «Двое сразу, в руки, ну держись!» – Овод врубил осветительные приборы одновременно с дуновением внешнего ветерка, залетевшего под открывающуюся маску. Яркий сноп света ударил в нечто склонившееся над ним, руки, взлетевшие в движении к неприятелю, застыли. То, что нависало над ним, не было человеком. Ржавые струпы тонкой кожи, как сворачивающиеся чешуйки рептилии, на некогда человеческом лице, тонкий нос с горбинкой, лысая ржавая голова в тех же струпьях, узкие губы и желтые глаза с ушедшими в точку зрачками. Он что-то шептал...

– Добро пожаловать, – шепнуло существо, и йодного цвета слюна сорвалась с его губ, капнув на лицо Овода.

Овод заорал и рванулся, чтобы схватиться с чудовищем в борьбе, но руки ослабли, вырывающийся крик ярости вышел бессильным стоном, и он обмяк, не в силах противостоять чему-то, что вдруг лишило его сил и практически сознания. Он почувствовал, как его схватили за элементы экзоскелета и поволокли, выключив освещение. «Это не Свобода» – последнее, что успел понять он, перед тем как совершенно потерять контроль над телом и сознанием.

***

Ночь подходила к концу. Посеревшее на востоке небо еще только начало окрашиваться в зеленый цвет, и разбуженный ветер легко толкал опавшие с деревьев листья по старому растрескавшемуся асфальту, чиркая трескучими сухи-

ми кромками по его поверхности. Легкий, едва заметный туман начал подниматься из увлажненной почвы, постепенно сгущаясь по мере наступления холода. Вороны как всегда возмущенно орали утреннему холодку в вершинах деревьев. Долговцы, залегшие вокруг Пепелища, пользуясь сгустившимся туманом, начали отползать, оставляя погибших и раненых. Свобода не стремилась уничтожить выживших, в следующий раз они сделают больше выносных постов и сделают подобное отступление противника невозможным, но сейчас ввязываться в бой и нести потери не являлось целью зеленых. Противник и так потерял больше половины убитыми, а раненые останутся и, если захотят помощи, то получат ее в обмен на информацию о позициях Долга, а если не захотят помощи, то пусть выбираются как знают, Зона сама рассудит, кому и что положено.

Тем временем где-то на территории, приближенной к научному комплексу Янтарь, в неприметной лощине, заполненной туманом, поросшей чахлыми деревцами тополей и осины, шевельнулся и провалился вниз верхний слой земли, увлекая за собой клубы пара и прелую листву подстилки. Черный прямоугольный люк образовался в том месте, где никогда ничего не было. Через минуту оттуда появился хорошо сохранившийся мертвец в куртке новичка и с автоматом АК. Он с не свойственной его братии ловкостью огляделся и, оскалившись редкими коническими зубами, вдохнул утренний воздух. Тут же рядом с ним появилось еще

несколько голов. Постояв немного, один из, как их называли некробиологи Янтаря, объектов, одетый в драную олимпийку с нашитыми на ней светоотражающими нашивками с цифрой шесть, и наколкой «Зубр» на костяшках пальцев выбрался на поверхность. Осмотревшись, он выбрал направление и, ничуть не отличаясь походкой от живого человека, двинул в выбранную сторону, постепенно исчезая в тумане. Двери позади него закрылись с легким лязгом, оставив сырую поверхность ржавого железа прямоугольным вырезом на фоне бурой лесной подстилки, вскоре затянутой туманом.

Редкий туман, появившийся и на Пепелище, вполне мог стать гуще, дать маскировку долговцам, позволив им уйти, поэтому Якорь не стал ждать, когда Зона даст им эту возможность, и с опережением событий предложил сдаться всем желающим.

– Господа долговцы, – зазвучал динамик, вынесенный на один из чердаков, – с вами говорит сталкер Якорь. Делаю уникальное предложение. Кто хочет сдаться – встает и поднимает оружие над головой, кто ранен и не может встать – ставит оружие стволом в землю, кто хочет уйти без спроса – пеняет на себя. Это территория Свободы, отныне Пепелище – наша укрепленная база. Мы будем находиться здесь столько, сколько считаем нужным, и ни у кого спрашивать не собираемся. На все раздумья даем вам двадцать минут, через двадцать минут открываем огонь по всему, что не выполняет наши требования. Время пошло.

Динамик щелкнул выключателем, оставив бойцов Долга в тягостных раздумьях один на один с собой. По истечении двадцати минут пара бойцов встала с поднятым оружием и еще несколько воткнули автоматы стволом вниз рядом с собою.

– Стоим, не двигаемся, – приказал динамик над Пепелищем.

Два бойца в зеленых экзоскелетах, аккуратно перешагивая специально подсвеченные для них лазерной указкой мины, перетащили раненых и сдавшихся в деревню.

– Время вышло, – сказал Якорь. – Работайте, – кивнул он своим.

В туман полетели гранаты, очереди пулеметов, автоматов, умертвив не сдавшихся и добив раненых. Белый туман похоронным саваном накрыл дымящийся и разбереженный взрывами участок с обеих сторон Пепелища, скрывая от взгляда наблюдателя тайны смерти и новой жизни, захватившей управление над телом человека, заставившей четырех бойцов встать и, постояв несколько минут, подобрав оружие, двинуть неровной, ломаной походкой в сторону Янтаря. Кружащие сверху вороны, казалось, видели сквозь туман, сделав несколько кругов в высоте, они безошибочно выбрали действительно умерших и с громким карканьем спикировали на них за своим куском. Почуявшие пиршество смерти в окoliце в тумане, не являющемся для них препятствием, пришли слепые псы, тревожно прядая порванными и проку-

санными ушами. Часто припадая широкими мордами к земле, они переминались и поскуливали от нетерпения и опасения, вызванного большим количеством запаха пороха и крови. Наконец они выдернули одно тело, лежащее ближе к ним. Оттащив его с рыком, забирая друг у друга кровавые куски мяса, принялись разрывать его, мотая мощными шеями и клацая зубами. Еще несколько псов учуяли замершего в страхе неподвижного бойца и, рыча, одновременно бросились к нему. Крик и выстрел пистолета оборвались еще с одной жизнью.

Вздрагивая и шарахаясь собственного движения, из подлеска в точке минометного расчета вынырнуло несколько плотей. Одна из них, самая крупная, осторожно приблизившись к убитому Сахарком бойцу, подняла острую хитиновую клешню и с размаха пробила ею бронежилет и тело человека, тут же кинувшись прочь, но боец был недвижим. Вернувшись и победно стрекоча, мутант, работая обеими клешнями как ножницами, принялся терзать броню, с усилием, но неумолимо разрушая защиту. К обнажившемуся телу уже тянули рты меньшие мутанты, исходящиеся нитями слюны. Вскоре совместными усилиями тело было объедено. Вздвигнув, словно от холода, шевельнулся и сел на земле еще один боец с пулевым ранением шеи, лежавший под кустами, из шеи которого серой влажной губкой выступило тело вируса, залатав рану. Посидев несколько минут, боец встал и поплелся на известную ему базу в сторону Ростка. Мутанты,

мигом попрытавшиеся в кустах, проводили мертвеца взглядом и снова принялись за еду, как только его силуэт растворился в тумане. Мелкая синеватого цвета плоть боязливо обнюхивала направленный в небо ствол миномета, сильно пахнущий порохом. Открыв свой обагренный кровью ротик, она попыталась куснуть металл. Миномет не устоял и с глухим стуком упал на землю. Присев от страха, мутант отскочил, но тут же приблизился, поднимая одну из клешней. Подойдя чуть ближе все в той же напряженной присевшей позиции, он изо всех своих сил ударил по трубе, неожиданно громко звякнув металлом. Неодобрительное хрюканье от большого мутанта вернуло его обратно ближе к сородичам, уже головами провалившимся в тело выедаемого ими бойца.

Зона не позволяла так просто пропадать ничему, она как воронка забирала в себя жизнь и плоть всего, что попало в нее со стороны, перемалывая, разрывая, спрессовывая, и только после крайней меры насыщения исторгала из себя редкие не поддающиеся объяснению артефакты. Только редкие счастливицы выходили из Зоны обратно богатыми и здоровыми, но они навсегда оставались результатом ее деятельности, ее порождениями.

Глава 3. Новый дом

База Свободы на Армейских складах. Несколько двухэтажных строений, пара крытых шифером ангаров, куча мелких построек, восстановленных из подручных материалов, шесть смотровых вышек, да уходящий в никуда железнодорожный тоннель, густо поросший аномалиями и заваленный металлическими конструкциями. Все это огорожено бетонным забором с колючей проволокой. Группировка во главе с ее лидером Гипсом долго работала над восстановлением зданий, крыш, заборов, вышек. Все это доводилось до ума из подручных средств и теперь являлось единым взаимосвязанным комплексом, в котором уживались и находили себя все те, кто не нашел себя на Большой Земле либо скрывался по своим причинам в Зоне, но об этом никто не спрашивал. В конце концов, кто хотел быть один, оставался одиночкой, бандиты шли к своим, а здесь, как ни странно, собирался мирный и образованный люд, распрямлявшийся и крепнувший от вольного воздуха Зоны и стычек с долговцами и военными.

Гипс возглавлял группировку более двух лет. Его прозвище говорило само за себя и настораживало многих. Бывший спортсмен-единоборец, о чем он не любил распространяться, он быстро и надежно успокаивал оппонентов. Начиная простым сталкером, натаскавшись по аномалиям, побегав от

и за бандитами, он решил что-то менять. Вступил в Свободу и очень скоро за свой крепкий кулак и верность слову, а еще за четкую позицию в своем видении правильных отношений в группировке он обзавелся поддержкой и дружбой многих крепких сталкеров Свободы, и после того как предыдущий лидер погиб в глупой перестрелке с наемниками, он общим большинством был выбран в лидеры, от чего, собственно, и не отказывался. С тех пор ранее анархическое управление группировкой было упорядочено, каждый был задействован в чем-то полезном для базы, сам Гипс обзавелся хорошими связями на Большой Земле, выгнав нужным людям редчайшие артефакты, восстанавливающие молодость, здоровье, продлевающие жизнь, дающие прибавку к физическим, умственным показателям и восстанавливающие деторождение. Все эти дары Зоны, в нужное время поднесенные сильным Большой Земли, дали ему доступ к таким возможностям, о которых не мог даже мечтать ни один из предыдущих лидеров. Военные, собравшиеся в какой-то момент отбить назад Армейские склады, вдруг смирились с давнишней потерей, мало того, тонким, но верным ручейком начались поставки оружия. Медикаменты и оборудование также стали появляться на базе, насосы, электрические компоненты, инструмент – все это начало тем или иным способом стягиваться к базе. Через Сидоровича, через расположенные у Периметра тайники, откуда бойцы в экзоскелетах доставали тяжелые упаковки, будучи в прямой видимо-

сти пулеметчиков с вышек, через вольных сталкеров, груженных как верблюды нужными вещами, – все это необходимое для восстановления базы добро текло на Армейские склады.

Гипс лично разговаривал с вольными сталкерами, имевшими хорошие знания и практику в чем бы то ни было, ставил их на довольствие группировки и соответственные задачи, начиная с починок комбинезонов и постепенно выводя на разработку новых. Также два сталкера, Худой и Рваный, поднаторели в сборке артефактов с требуемыми итоговыми свойствами, в результате на базе появился свет, тепло, усилилась медицина и куча других важных моментов. Отношения с экологами, давно испорченные, также восстанавливались. Некогда вызывавшие раздражение у свободовцев ученые теперь не обстреливались, наоборот, было дано указание страховать и по возможности приглашать к себе. Но ученые с Янтаря крайне редко двигались без охраны Долга, соответственно, и возможностей для контакта было не много. Трофим был первым из высококвалифицированных специалистов Зоны, кто решился на такой шаг.

Гипс планомерно и методично накачивал группировку кадрами, превращая ее из кучи плохо организованных сталкеров в сильную и современную группировку, выходящую на качественно новый уровень, где каждый желающий мог занять свое место и заниматься тем, в чем был сильнее или в чем видел для себя будущее. В дальнейшем Гипс амбициозно хотел заменить Свободой и Янтарь, и Долг, и наемников,

превратив Зону в надежный и мощный источник процветания, по крайней мере для тех, кому было с ним по пути, а таких, как вы понимаете, становилось все больше и больше.

На склады Трофим пришел с группой сталкеров без приключений, уже в темноте. Там его определили в баньку и показали место в одной из комнат двухэтажного здания. В комнате было две кровати, шкаф и две тумбы. Для обычного сталкера это бы показалось верхом шика, этакий люкс с пятью звездочками, но Трофим ввиду малого опыта пребывания в долгих рейдах воспринял эти удобства как должное. Посмотрев из настоящего окна второго этажа на горящие на улицах костры, на темнеющие на фоне неба вышки с выключенными прожекторами, услышав отдаленные звуки гитары, он вспомнил свою комнатку на Янтаре, не имеющую окон и иногда больше напоминающую ему камеру одиночного заключения. Тут же, в комнате было странным образом тепло, несмотря на то что на улице было никак не больше десяти градусов. Трофим приоткрыл окно, вдыхая ночной запах и оставив форточку приоткрытой, завалился спать, накрывшись одной простынкой, понимая, что он сделал правильный выбор.

Незаметно наступило утро. В комнату к нему, едва стукнув, сразу вошел помощник Гипса по прозвищу Афган, невысокий, склонный к полноте человек с открытым простодушным лицом, располагающим к шуткам и разговору. Афган был в легкой матерчатой камуфляжной куртке, плотных

также камуфляжных штанах, берцах и нелепо смотрящейся на нем синей вязаной шапочке с двумя уголками.

– Доброе утро, Док. Выспался? – поинтересовался он, протягивая руку. – Я помощник Гипса, Афган.

Трофиму показалось, что он спросил это искренне, и если бы он ответил, что не очень, то Афган бы посоветовал поспать еще.

– Доброе. Вроде выспался, – ответил Трофим, с удивлением отмечая, что за его настоящим окном светло, а на щеке чувствуя отпечаток складки подушки.

– Давай одевайся, умывайся, я снаружи на скамейке подожду, – сказал он и вышел.

Как все было просто. Просто одевайся, просто умывайся и просто выходи на свежий воздух, где можно посидеть на скамейке без обязательного комбинезона, охраны и разрешения посмотреть в небо. Сделать, наконец, если есть желание, зарядку, а может быть, даже окатить себя холодной водой из ведра. Слыханное ли дело для бункерного обитателя Янтаря, дышащего фильтрованным и дезинфицированным воздухом? Трофим потряс головой, стараясь не лыбиться как идиот на новый фантик, но это не сильно получалось.

Через десять минут он уже спустился вниз со второго этажа и вышел к сидящему на скамейке Афгану. Тот сидел, откинувшись назад, вытянув ноги и оперевшись руками сзади на скамейку, безмятежно глядя в небо. Трофим осмотрелся. Здесь все было по-другому. Вместо близкого серого бе-

тонного забора Янтаря ему открывалась пара сотен метров почти открытого пространства и только потом ограничение забором. От этого казалось и светлее, и больше воздуха. По одному такому же двухэтажному дому стояло справа и слева. Там впереди находилось железнодорожное полотно, ниже поверхности земли уходящее в тоннель, и мост над ним, ведущий на выход из базы.

– Пойдем к Гипсу, заодно и позавтракаешь, – сказал Афган, вставая и снимая шапочку, обнажая лысую голову. – Жарко...

Скоро они были в баре, обустроенном в ангаре. В баре практически никого не было, все ушли по своим заданиям, ходкам и делам, либо отдыхали, как это делали несколько человек, спящих вдоль стен прямо в спальнях мешках. За одним из столов сидел лидер группировки Гипс. Также одетый в куртку, рубашку и штаны все камуфляжного цвета. Квадратная голова, челюсть, маленькие синие глаза-буравчики, ломаный нос, седая голова и усы ранее русого цвета. Он больше напоминал Трофиму вояку или бандита, чем того, кто мог бы пригласить его в свои. Несколько смутившись, Трофим неуверенно пошел к столику.

– Подходи, подходи, – махнул ему рукой Гипс.

Голос был приятный, мужской, какой-то по-хозяйски отеческий.

– Здравствуйте, – поздоровался Трофим, протянув руку.

– Здравствуй, Трофим Аристархович, можешь на ты, у нас

выкать не принято, – оценивая взглядом Трофима, сказал Гипс. – Я Виктор Семенович, но это по паспорту. Кстати, документы твои на днях мы добудем и работу твою не законченную тоже выудим... то, что в электронном виде.

– А... – открыл было рот Трофим.

– Не спрашивай, как, – мягко прервал его вопрос Гипс. – Ну как тебе тут у нас? Комната устраивает?

– Да, спасибо. Вполне.

– Это хорошо. О работе твоей мне Моль рассказывал, да и ребятам в целом. Правильно получается, ходячие они только потому и ходячие, что ими двигают. Мы тоже за эти вопросы брались, но университетов тут не все кончали, так что весовые категории в этом деле у нас, так сказать, совсем не те, – заметив недоверчивый взгляд Трофима, он улыбнулся, обнажив ряд крупных желтоватых зубов, сколотых местами. – Ты не смотри, что морда у меня кирзовая, я науку очень уважаю. Я вообще, Док, хочу здесь производство открыть, только вот с разрешениями беда, не знают, как нашу продукцию сертифицировать, и, вообще, бизнес можем большим дядям попортить.

– А какое производство? – удивился Трофим.

Производство в Зоне? Это было совершенно непостижимо для его понимания.

– Да любое, вот, например, хоть вечные батарейки, – сказал Гипс, – хоть пластыри-заживляйки на раны, хоть бестопливные печи. У тебя в комнате сегодня тепло было?

– Да, – немного подумав, ответил Трофим.

– На улице ночью всего пять градусов, батареи сняты давно, а в комнате тепло. Это потому что под полом лежит наш местный подогрев. Дел-то на копейки, вон ребята наши, Худой да Рваный, из артефакта «капля» сделали. Знаешь такой? – получив утвердительный кивок Трофима, Гипс продолжил. – Так они придумали, как его приоткрыть, и он потихоньку теплоту выпускает. Уже полтора года работают, еще не один не остыл. Ребята говорят, лет на сорок каждого хватит. Сходишь познакомишься потом. Там они в ангаре работают, еще у нас растениевод один, Хутор его кличут, потом Пиксель, ну тот по компьютерам и программам больше, Коваль по оружию и броньке, и Калмык, тот по мутантам специалист.

– А я вам зачем? – неуверенно спросил Трофим, чувствуя, что у такого хозяина все и всегда должно иметь смысл.

– Для коллекции! – громко сказал Гипс и расхохотался. – Шучу я, Трофим. Ты ж у нас микробиолог, это то, что руками не пощупать и простым глазом не рассмотреть. Я так думаю, ты сам сделаешь то, что тебе по душе, мы тут планы пятилетки не даем, у нас Свобода, а не Долг. А мы... хоть даже промеж своих пользу обречем. Вот, например, ребятам нашим Моль рассказал, с твоих слов, что за вирус, откуда, какие категории, что он при жизни вырастает и заменяет собой клетки хозяина, а потом таскает его по Зоне в поисках кормежки, что воздействие электромагнитное от него на по-

давление исходит, как защита, так многие у нас сразу спокойнее спать стали. А то шутка ли дело, жуть такая по Зоне шатается, – Гипс выжидающе уставился на него.

– Так я вообще-то некробиолог, – поправил Трофим.

– Да ты что?! Тогда вы нам не подходите, – сказал Гипс и, видя растерянное лицо Трофима, расхохотался опять. – Шучу я, Док, уверенней надо быть в своих силах. Ты ж отважный человек, с мертвецами вплотную работаешь, с руки кормишь, – Гипс приложил руку к груди. – У меня духа на это не хватает, я у тебя думал занять, а ты тут стесняешься. Ладно, Док, давай так. Отдыхай, ходи, знакомься, место себе присмотри под лабораторию, список сделай, какое оборудование тебе надо, а мы как подвезем тебе все, что требуется, так и начнешь работать. Кстати, насчет работы, все, кто у нас на Свободу работают, получают вознаграждение. Мы же все сюда за этим пришли... – он внимательно посмотрел на Трофима, – ну почти все. Вы с Модем знатную поляну нашли, годовой, считай, доход всем нам сделали, даже больше, твоя премия составляет, – он быстро чиркнул на бумаге цифру и показал ученому.

Трофим широко раскрыл глаза.

– Ого!

– Да, это ого, – Гипс повернул бумажку к себе и удовлетворенно посмотрел на цифры. – Я бы даже больше сказал, о-го-го! Но у нас все по справедливости, пока я тут главный. Лишних прихлебателей сверху нет, нашел, дошел, провел коман-

ду, получи. Вот... А зарплата твоя составит, – он снова чиркнул на бумажке и повернул к Трофиму.

– Это очень хорошо...

– Да, это я считаю правильным. Тебе иногда нужно будет делать ходки со сталкерами, когда дело будет касаться вопросов твоей специализации, – сказал Гипс.

– Я с удовольствием, – искренне ответил ученый.

– А сталкеры помогут тебе в любое время, у нас с этим проблем никогда нет. Но мы по общей договоренности можем пользоваться всеми твоими открытиями. Согласен?

– Согласен, чего уж там, – кивнул Трофим.

– Вот и договорились, Трофим Аристархович, – сказал Гипс, вставая и протягивая руку. – Я пойду, а ты завтракай, у нас сегодня кабанятина славная, рекомендую. Товарищ славно готовит мясо.

– Какой товарищ? – не понял Трофим.

– Это наш бармен, он же шеф-повар, кличка у него такая – Товарищ, – хмыкнул свободовец. – Здорово настроение повышает мужикам, как выпьют. Товарищ, налей, Товарищ, хочу этого, того... Товарищ, послушай здесь... Ну, в общем, увидишь, разберешься.

Гипс удалился, Трофим остался один за длинным деревянным столом. Что ж, лидер группировки оказался совсем не плохим человеком, вряд ли их директор Водопьянов мог бы предложить такие условия даже самому себе.

***

База группировки Долг. Росток. Кабинет лидера группировки Долг, полковника Рожка. Полковник удивительно был похож на одного из первых лидеров группировки генерала Воронина, только чуть меньше ростом и плотнее. То же лицо, та же выправка, но в отличие от Воронина у Рожкова были усы, плотной, стриженной седеющей бахромой спускающиеся чуть ниже верхней губы. Перед полковником сидел измученный боец в камуфляже, без брони с перевязанной рукой, один из спасшихся из операции под Пепелищем долговцев. В кабинете было по-спартански просто. Стол Рожка со стулом, отдельный большой стол для совещаний, несколько шкафов с папками и документами и большой сейф в дальнем правом углу, к которому были приварены четыре толстые металлические пластины, а сами пластины приварены к массивным металлическим штырям, торчащим из стены. Рожок устало провел ладонью по лицу, выслушав рассказ бойца.

– Сколько ребят наших полегло... ах вы ж суки... – процедил он сквозь зубы.

– Мы не могли знать, что они там так сильно укрепились, – ответил боец. – В последние сутки пришлось снять наблюдение. Слепые псы слишком интересовались, мы могли потерять наблюдателей и раскрыть себя.

– Нужно было выдвинуть второй пост.

– Мы бы выдвинули, товарищ полковник, но связь подвела. Они не смогли сообщить, что ушли с точки. Когда мы получили сообщение, уже собрался основной отряд, поэто-

му пошли сразу боем.

– За каким чертом они там так окопались? – спросил очередной раз в никуда Рожок.

В дверь постучали и тут же вошли. Так разрешалось делать только адъютанту полковника.

– Ну что, Тара, что разнюхал? – хмуро спросил полковник.

– Есть информация, товарищ полковник, – чеканя доложил Тара.

– Выкладывай, – приказал Рожок.

– Только что вернулись из Пепелища сотрудники одной из лабораторий Янтаря, не в полном составе. Один из них, некий Гудин Трофим Аристархович, так и не вышел на поверхность, спустившись в какое-то подземное сооружение. Считают пропавшим без вести.

– Ну пропал, так пропал. Что за сооружение? Чего он туда полез?

– Не можем знать, товарищ полковник. Данных нет. Полез за объектом исследования своей лаборатории. За зомбированным, – ответил Тара, преодолевая желание вытянуться в струнку.

– Вот недоумок... – негромко сказал полковник, после чего перевел взгляд на сидящего напротив бойца. – Свободен, боец, в лазарет.

– Есть в лазарет, – долговец встал и с видимым облегчением вышел.

– Присаживай, давай прикинем, – указал на освободившийся стул полковник.

Адъютант присел, по-прежнему удерживая осанку.

– Так значит, там на Пепелище есть вход в некое сооружение. Пепелище занял противник, в кратчайшие сроки окопался как крот, сделал заградительную минную полосу, обложился снайперами, а мы и знать не знаем, что они там задумали? – неодобрительно спросил полковник адъютанта.

– Похоже на то, товарищ полковник.

– Эх, авиацию бы сюда. Вмиг бы расшвыряли этих обезьян. Так кто там пропал, чин, звание, должность?

– Некий Гудин Трофим Аристархович, заместитель заведующего лабораторией номер шесть, – отчеканил Тара.

– Заместитель заведующего... Заместитель не потянет. Из-за него вертолет не поднимут, если бы заведующий, то может быть, – раздумывал Рожок. – Потом, кто за ним под землю ползет? Вояки? Хрена с два, у них своя песня. Нет, авиацию не дадут, – отрицательно мотнул головой полковник. – Ребят наших мы этим обезьянам не простим. Значит так, Тара, узнавай мне все, что касается этого пункта. Кто, где, когда, зачем. Мы теперь это дело принципиально оставить не можем, у нас тут противник под боком гнездо вьет, а мы его башку открутить не можем? Не порядок. Задание ясно?

– Есть найти информацию, – подскочил Тара. – Разрешите идти?

Полковник махнул рукой, засовывая сигарету в рот. Адъютант, развернувшись кругом, вышел из кабинета, прикрыв за собой дверь.

– Ну ничего, Гипс, отольются мышке кошкины слезы, – прикуривая сигарету, по привычке закрывая спичку сложенными лодочкой ладонями, проговорил Рожок, – ох отольются...

***

Обожженный кислотами и радиацией, но живой и не сдающийся Рыжий лес молчаливо склонял тяжелые ветви изменившихся кленов почти до самой земли, образуя купола, в которых находили себе убежище от дождя снорки, слепые псы, псевдособаки и многие другие обитатели Зоны. В тех местах, где ветви касались земли, рано или поздно появлялся корень, укрепляя ветвь в ее положении, давая рост новому деревцу, уже имевшему характерный красно-рыжий оттенок. Это дерево приспособилось и даже нашло чем завлечь в свои объятия тех, кто будет охранять его от свирепых мутировавших древоточцев и мелких крыс. Сосны и ели также нашли себе способ защиты, приютив на своих ветвях длинные мочала жгучего пуха, моментально съедающего в своих объятиях любую живность. Странная паутина поросла между деревьями, закрыв собой кабаньи тропы. Кабаны же при всем их весе и ярости не осмеливались подходить к ней близко, предпочитая пробивать новые тропы пусть даже через шиповник, с невероятно прочными, практически стальными

иглами, чем рвать паутину, которая оставалась на холке мутанта, прорастая внутрь и через неделю опутывая его смертельным сплошным серебристым коконом. Тополя обзавелись мощной токсичной корой, пробовать на вкус которую можно было только один раз, а их пух прорастал даже в старых ранах, если они успевали затянуться с этим семенем. Вообще, все, что было в живых в Зоне, научилось сражаться за свою жизнь, быстро и причудливо меняя облик. Если бы не кабаны, псевдогиганты, грызуны и другие всеядные, питающиеся семенами и молодыми побегами Рыжего леса, то, вероятно, вся Зона была бы покорена этим медленным и неприхотливым зверем.

Овод очнулся стоящим у дерева. Экзоскелет конструктивно мог стоять сам по себе, если человек внутри него не подаст сигналов к перемещению. Маска экзоскелета по-прежнему была открыта, запах сырости, древесины, прелой листвы и хвои вместе с полумраком медного цвета крон над головой дали ему понять, что он находится в Рыжем лесу. Последнее, что он помнил, – это ржавое, шелушащееся лицо чудовища, склонившееся над ним и капнувшее на него слюной. Это было отвратительно. Еще он помнил, как силы вдруг оставили его настолько, что он даже не смог крикнуть, а потом его потащили вместе с экзоскелетом... и, видимо, дотащили до Рыжего леса. Впереди перед ним широким безжизненным черным пятном простиралась поляна. Трава на ней словно выжжена и растоптана, но горелого запаха не было. Долго-

вещ покрутил головой, пытаясь понять, почему он не может двинуться, ведь он был в экзоскелете, и очень мало что могло противостоять ему, но странное дело, хоть он сейчас и чувствовал свои ноги и руки, он не мог ими пошевелить. Он даже не был связан, он просто стоял прислоненный к почерневшему мертвому хвойному дереву, роняющему свои хрупкие черные иглы вниз. Овод начал крутить головой, надеясь разогнать кровь по телу, и возможно это поможет пошевелиться. В конце концов, они не убили его и даже не сняли экзоскелет, кроме того, они притащили его в Рыжий лес, наверняка они тут уже издохли, глупцы! Рыжий лес не терпит посторонних, это известно всем и каждому!

Мотая головой, боец постепенно чувствовал, как тепло от уставшей шеи постепенно спускается ниже. Вот поверхность шеи почувствовала несколько уколов медицинской системы, которая наконец определилась с его диагнозом и решила что-то вколоть. Интересно, что она выбрала? Вот он уже смог напрячь пресс и слегка пожать плечами. Экзоскелет его конструкции не имел таких элементов, чтобы отразить это движение, тем не менее металлические руки чуть заметно шевельнулись, скрипнув подсохшими штоками гидроцилиндров.

– А... очнулся... – раздался тихий, бесцветный, шуршащий змеиным шиком голос позади должника.

Боец замер. Конечно же, он очнулся, теперь этого не скрешь, а надо бы. Может быть, его оцепенение прошло чуть

позже, само, но поздно теперь уже хитрить. Сглотнув не существующую слюну, он спросил хриплым, пересушенным голосом:

– Кто ты, сволочь? Мы же тебя найдем...

– Найдем... – повторил голос, словно вспоминая его значение, уже из-за левого плеча.

Нечто, что говорило, провело по его затылку и спине. Он, конечно, не мог этого чувствовать через броню, но четко почувствовал, как что-то чуждое вторглось в его мозг, заставив на миг потеряться во времени и пространстве, а затем онемение скользнуло вдоль позвоночного столба, заставив тело вновь потерять чувствительность. Ужасное ржавое лицо полчеловека медленно показалось с левой стороны, так что он мог видеть только половину этого лица, не в силах даже повернуть глазами, паралич взял его полностью. Овод сделал попытку что-то сказать, но язык не слушался. Существо встало перед ним. Ростом долговец был не из мелких, а толстая подошва экзоскелета добавляла ему еще с пяток сантиметров, но существо было выше него. Ржавая чешуя или лоскутами сползающая кожа, желтые, горчичного цвета белки глаз и йодного цвета зрачки. Скрытые в глубине желтого рта едва видимые ровные ржавые зубы. Расплывшись мыслями, потеряв восприятие, он все-таки понял, что когда-то это был человек. Медицина по-прежнему продолжала вкалывать в бесчувственную шею бойца препарат за препаратом. Возможно, благодаря этому Овод не терял сознание. Су-

щество стояло напротив и смотрело на него, словно изучая, наконец, оно, сделав неуловимое движение, не попадающее в поле зрения бойца, слегка моргнуло. Человек почувствовал, что может говорить и двигать головой.

– Ты! – яростно шептал он. – Ты! Долг убьет тебя! Мы найдем тебя, слышишь, тварь?

– Я не тварь, – ответило существо.

– А кто ты? Кто?!

– Я вспоминаю... я скоро вспомню. Мне нравится это место, – прошипело оно, приблизившись и вплотную разглядывая бойца.

Было что-то непостижимое в этом взгляде и движении существа. Оно словно разглядывало человека изнутри, изучая видимые только ему процессы, а стоящий перед ним человек был не более чем что-то, что не имеет ценности и вообще смысла как такового.

– Чего ты хочешь? – с ненавистью спросил долговец.

– Они тоже меня спрашивали, – ответило оно.

– Кто «они»? – сверля взглядом Ржавого, спросил долговец.

– Они, – существо посмотрело за спину Оводу.

Долговец попытался посмотреть назад, но обзор был ограничен. Он почувствовал, как заныла заколотая иглами медицины шея. Ржавый по-прежнему стоял и смотрел на него, но теперь отдалившись. Сейчас Овод смог осмотреть его, это был мужчина, пусть в далеком прошлом, но изначально это

мужчина. Весь покрытый струпьями ржавого цвета, без всякой растительности на теле. Удлиненные руки и ноги при обычном размера теле делали его безобразным и жутким.

– Противовирусный препарат церезин бета закончен, – раздался негромкий женский голос программного обеспечения медицинского блока во внутренних динамиках экзоскелета. – Вирусная инфекция продолжит распространение. Срочно обратитесь к специалисту. Повторяю...

Голос повторил информацию еще раз, затем еще раз. Черное отчаяние и понимание того, что происходит, навалилось на долговца удушающей простотой. Его заразили. Вот эта тварь. Он вспомнил ощущение капли слюны на щеке, даже сейчас он чувствовал ее.

– Тварь!!! – прошептал он, испепеляя Ржавого взглядом.

Тот, наконец, увидел что-то, что искал внутри человека, едва заметно кивнул.

– Уже не долго, товарищ, уже совсем не долго...

***

Тем временем где-то в окрестностях Янтаря группа зомби брела за спокойно идущим объектом номер шесть. Стоящие на отдалении сталкеры в бинокль наблюдали за ними.

– Во дела! – сказал один. – Идут как овцы за бараном.

– Да нет, этот просто получше сохранился, прут все бес-толочи, куда ветер дует, – возразил другой, – пойдем давай, нам еще до точки часа два пиликать, до темноты надо расположиться.

Сталкеры убрали бинокли и двинулись своей тропой. Шестой номер, с наколкой Зубр, вел четверых в ту самую лощину с открывающимся внутрь двустворчатым люком. Проломившись по чахлому подлеску, он дождался, пока его спотыкающиеся и путающиеся в коротких торчащих из земли прутьях собратья дойдут, наконец, до прямоугольного куска металла, не выделяющегося цветом среди бурых листьев. Через минуту, глухо лязгнув затвором, люк отворился, обнажив черную пустоту подземелья. Мертвецы, покачиваясь и подергиваясь, один за другим спустились под землю, последним вошел Зубр. Люк медленно затворился.

Глава 4. База

Несколько дней Трофим ходил по базе Свободы, привыкая к новым порядкам и расписанию, знакомясь и общаясь со сталкерами, в чем находил для себя немало удовольствия и узнавал много нового. Представители, так сказать, науки и практики группировки заняли всю левую часть большого ангара, куда Трофим в первую очередь и направил свои ноги.

Больше всего его удивила работа двух сталкеров по кличке Худой и Рваный. Оба действительно соответствовали своим прозвищам. Худой – высокий, застенчивый, светловолосый долговязый парнишка, чья походка в раскачку сразу выделяла его среди остальных. Рваный – среднего роста, также не выделяющийся избыточным весом, совсем молодой человек, с серьгой в ухе, неизвестно, по какой причине надрезал себе одежду и в коленях, и в локтях, еще несколько продольных разрезов сделал на куртке, отчего при каждом его движении была видна светлая подкладка. Но напарники были рукастые, молчаливые и чем-то неуловимо похожие друг на друга. Их отдел в ангаре состоял из трех комнат. В первой они жили, во второй собирали артефакты и тестировали их, в третьей держали готовые сборки. В отличие от сотрудников Янтаря, всегда работавших в перчатках, очках и вообще крайне церемонно, Трофим в первый же день увидел, как Рваный, зажав в тисках нечто светящееся, стучал

по нему со всей дури молотком. Нечто светящееся шипело и плевалось искрами, пару раз обжегши руку сталкера, на что он айкал, но продолжал молотить молотком. Позже оказалось, что эта сборка предназначалась для усиления защитных свойств комбинезона, по заказу Коваля, но она не помещалась в предназначенный для нее кармашек комбинезона, поэтому Рваный сбивал ей края. Худой же испытывал маленькую воронку в качестве универсального утилизатора отходов. Стоит ли говорить, что небольшая метровая воронка, вьющаяся на листе железа, стоящего посреди второй комнаты, вызвала у Трофима оторопь. Худой же невозмутимо подкидывал ей всяческий мусор, собранный им во дворе, и постоянно тихо поругивался на то, что воронка, как он назвал ее, Юлька, отказывалась спрессовывать мусор как следует. Действительно, сломав и скомкав стекло, бумагу, тряпки и прочее в плотный шар, домашняя аномалия выплевывала его обратно. Худой щупал и взвешивал произведенное, пробовал напильником и разочарованно покачивал головой, подкладывая осколки других артефактов под металлический лист. На взгляд Трофима, одна эта воронка могла обеспечить небольшое производство то ли тротуарной плитки, то ли отделочных материалов, в любом случае полученный шар, диаметром почти десять сантиметров, невозможно было сломать, а напильник практически не оставлял на нем следов. Эти два парня, совсем не похожие на его коллег из пятой лаборатории, на порядок или два порядка глубже

понимали свойства артефактов и что из них можно сделать. Трофим вспомнил, как смешно, практически на подушечках носили свои «пустышки», «батарейки» и прочее ученые на Янтаре.

Коваль – мастер по оружию и броне, валялся в своем гамаке, подвешенном между столбами, блаженно выпуская дым, в окружении тускло освещенных стеллажей и ящиков со всевозможным содержимым. Рядом с ним на подставке, ярко освещенный со всех сторон стоял наполовину собранный или разобранный экзоскелет с множеством грубых царапин. Поздоровавшись и представившись, Трофим выяснил, что Коваль сейчас по горло занят срочным ремонтом экзоскелета одного из сталкеров группировки по прозвищу Гром. Экзоскелет, исполосованный кровососом, пострадал не меньше чувства собственного достоинства своего хозяина, который, досадно промахиваясь по мутанту, умудрился споткнуться и упасть в навоз псевдогиганта, где его, лежащего лицом в коричневом, полосовал мутант, разрушив приводы и обездвижив конструкцию. Напарник тем временем расстрелял кровососа, но поднять Грома самостоятельно не смог. В таком положении Грому пришлось пролежать несколько часов, а подоспевшая помощь делала фотографии и неприлично громко ржала над грустным сталкером, который, возможно, скоро переименуется в Нюхача.

Комната Пикселя, сплошь уставленная разобранный аппаратурой, мониторами и несколькими современными остек-

ленными автоматами для работы над микросхемами. Самого Пикселя на месте не было, но работающий компьютер и что-то паяющий в своем герметичном корпусе автомат говорили о том, что работа шла, несмотря на отсутствие хозяина.

Самый большой отдел ангара пришелся на Хутора, улыбочивого, простоватого мужчину средних лет. Все занятое его хозяйством пространство представляло собой теплицу, где выращивались овощи, ягоды и огромные грибы. Обойдя с ним его владения, которые Хутор охотно показывал и, поддерживая гостя за локоток, объяснял, что к чему, Трофим выяснил, что кабачки, помидоры, огурцы и все остальное, перечислявшееся десятками наименований, все плодоносит круглогодично, постоянно цветет, а заведенная им небольшая колония странных красно-желтых пчел, которых ему приходится время от времени морить, чтобы они сильно не размножались, приносит по два-три литра меда в неделю. Рассаженные растения в лотках местами ставились в два этажа, где нижний этаж занимали грибы размером с большую тарелку. К удивлению Трофима, Хутор обломал шляпку одного гриба и показательно откусил кусок, предложив его гостю. Неуверенно и осторожно Трофим откусил предложенное ему. Гриб оказался приятно сливочным на вкус с тонким грибным запахом. Расширив от удивления глаза, ученый с недоумением рассматривал надкушенную шляпку. Напоследок Хутор сунул Трофиму пакет с овощами, несмотря на вялые попытки отказа.

Последняя деревянная дверь с надписью мелом «Калмык» и художественно нарисованная мелом голова волка в оскале, обозначающая, то ли не входить, злая собака, то ли символ Свободы, задержала его на некоторое время. Трофим не очень понял, что именно было изображено, потому что рисунок был давнишний и подтертый. Дверь оказалась закрытой, только Худой, выглянувший из своей мастерской-лаборатории, крикнул, что Калмык ушел с мужиками к Рыжему лесу и будет еще не скоро.

На этом знакомство с коллегами из группировки было окончено, и ученый выбрал себе правую часть ангара, заполненную металлоломом и стасканным в кучу строительным материалом, таким как шлакоблоки, кирпичи, снятые откуда-то старые, но крепкие доски, водопроводные трубы. Что-то из этого было сложено друг на друга, а что-то просто накидано сверху, и чтобы все это разобрать, нужен был и погрузчик, и манипулятор, и грузовичок. По прикидкам Трофима, техники здесь он не обнаружил, с другой стороны, он не заглядывал в соседний ангар, но его, собственно, об этом не просили. Не отличаясь особо праздным любопытством, Трофим покинул первый ангар, отведенный под, как выражались сталкеры, «кадров». Тем временем перевалило далеко за полдень, и в небе, не сулящем дождя, намечались легкие, едва заметные вечерние росчерки.

Взгляд Трофима упал на одну из смотровых вышек, в которой наверняка дежурил боец. Гнездо, как называли выш-

ки сталкеры группировки, представляло собой пятнадцатиметровую конструкцию, стоящую на железобетонной ножке, закрытой длинным коробом, сделанным уже здесь вручную из разномастных кусков железа, носящих следы множественных пулевых отверстий. Внешние ступени вышки, предназначенные для удобного подъема и спуска, были в большинстве своем разрушены, и очевидно, лестница для подъема была установлена между железобетонной ножкой и прикрывающим лестницу непрозрачным коробом. Даже ему, ученому из Янтаря, было понятно, что идти по широкой, открытой для прострела лестнице, да еще на фоне неба в условиях обстрела было глупо, и еще не видя рабочей внутренней лестницы, он знал, где ее искать. Здесь некробиолог не стал сдерживать в себе здоровое любопытство и, на всякий случай пройдя к вышке не по прямой, а по натоптанным дорожкам, вошел в темноту короба внутренней части конструкции. Прострелянные железные щиты, скрывающие передвижение человека от постороннего взгляда, создавали иллюзию звездного неба, в котором в свете лучей вечеряющего неба плавали и кружились шевелимые сквозняком пылинки. Трофим схватился за толстые железные ступени вертикальной лестницы и полез вверх. Боец, почувствовав вибрацию поднимающегося человека, открыл люк и осветил ползущего по лестнице, удостоверился в личности поднимающегося, оставил люк открытым. Через минуту ученый был уже наверху, вступая, как это ни странно, в теплый воздух вышки.

Его встретил одетый в полнокомплектную броню, крепкий розовощекий боец с нарисованной маркером гармонью на шлеме.

– Здорово, Док, – протянул руку сталкер. – Я Баян. Что, посмотреть захотелось? – улыбнулся он.

– Да. Не мешаю?

– Нет, не мешаешь. Сейчас тихо, можно и поболтать. Все, кто тут впервой, ко мне лезут. Не на переднюю, не на угловые, а сюда, на центральную, – сталкер указал на один из мешков с песком, лежащий на полу. – Присаживайся, нечего на фоне неба отсвечивать. Сохатый не дремлет, может и целить. Стрельнет, и нет Дока, а мне потом выговор, и вообще перед Гипсом неудобно.

– Ага, – быстро сел на мешок Трофим. Теперь его голова была чуть выше расставленных квадратом мешков с песком, и выцелить снизу его было практически невозможно.

– Ну, рассказывай, как тебе ребята, как кадры наши, сам что надумал? – спросил Баян, включая электрический чайник в розетку.

– О! – удивился Трофим. – У вас и здесь электричество есть.

– А как же, – не без самодовольства ответил Баян, – у нас тут с электричеством вообще порядок. Сейчас чайку сообразим, повечеряем... Это, знаешь, милое дело, я вот сейчас вижу, облака к вечеру разойдутся, может и солнышко помотришь. У вас на Янтаре такого, небось, нету?

– Не-а, – качнул головой Трофим, – а это что? – спросил он, указав на синий полупрозрачный подрагивающий предмет, привязанный веревочкой к стулу.

– Это обогреватель наш, из «капли» сделан, удобная штука. Ни дыма, ни огня, только тепло. Правда, настраивается всего один раз и потом так и работает. Так что если его в комнату взять, перегреемся, а тут на сквозняке в самый раз. Веревочкой его привязал, чтобы не выпнуть случайно, а то всякое бывает. Вон как-то сохатые начали пуляться, я залег, а он вылетел, ну случайно получилось, так я потом тут лежал мерз как цуцик, нам же снайперам двигаться нельзя, работа ответственная. С тех пор так, на веревочке.

Трофим с уважением посмотрел на СВД, лежащую вдоль одного из бортов гнезда. От оружия, имевшего матовый черный цвет, веяло суровым холодом, кажущимся неподходящим для этого гостеприимного сталкера. В это время щелкнул чайник, и Баян, достав из тумбочки кружки, заварочный чайник, конфеты, поставил это все на крышку люка, к которой, как оказалось, были приделаны складные алюминиевые ножки, превращающие его в столик. Небо постепенно темнело, Трофим рассказывал о жизни на Янтаре, о своих отношениях с должовцами, Баян между тем слушал внимательно. Кое-кого из должовцев он знал ранее, когда в прошлом ходил одиночкой, и спрашивал о них, но тут уже ученому нечего было ответить, потому что не знал их. Плавно и неувлимо солнце клонилось к закату, раздавливая своим весом тонкие

облака. Баян достал из тумбочки пузырек с прозрачной жидкостью и поставил один граненый стакан.

– Баян, ты же на посту, – заметил Трофим.

– Так это я не себе, мне не можно, это тебе, – сказал он, наливая чуть меньше половины.

– Я особо не пью, – попытался отказаться гость.

– Я тебе не пить предлагаю, а попробовать. Это водка на «волчьей слезе», вот гляди, – он указал пальцем на доннышко бутылки, где перекатывались несколько черных бусинок, похожих на яблочные косточки, – ты такую не пробовал, это специальный заказ. Давай, – он подал Трофиму стакан.

Трофим уже устал удивляться и даже не стал спрашивать, что за «волчьи слезы», что за волк, почему он плакал и вообще что все это значит. Специальный заказ – значит специальный заказ, травить не будут.

– Ну давай, – согласился Трофим, принимая стакан.

– Вот... – одобрительно прогудел Баян, – закусывать ее не надо, так пробуй, – и, заметив сомнение в глазах некробиолога, рассмеялся, – в крайнем случае вот тебе конфетка зеленая, ароматная, занюхаешь. Давай, за знакомство.

– Ну что ж... будем знакомы, – сказал Трофим и, выдохнув, опрокинул в себя стакан.

Вкуса вначале не было, запах был уловимый, спиртовой. Трофим с интересом посмотрел на пустой стакан. Через секунду словно ударил колокол, в глазах задвоилось, полетели серые мушки, повело в сторону.

– Ого, – негромко сказал Трофим, чувствуя, как закачалась вышка.

– Подожди, сейчас пройдет, а потом на закат полюбуемся, – подмигнул Баян.

Действительно постепенно шум в ушах затих, качание в ногах и двоение в глазах прекратилось, так же, как и пропали серые мушки. Воздух стал чистым и прозрачным, предметы четкими и выпуклыми. Удостоверившись, что Док пришел в себя, сталкер развернул его в сторону заходящего солнца.

– Вот теперь полюбуйся!

Уходящее за горизонт солнце оставляло позади себя долгий расплывчатый красно-оранжевый цвет, с сотнями переливов, танцующих и играющих между собой глубокими красками. Нежно-зеленые облака, нанизанные оранжевыми лучами светила, невозмутимо катясь по небу, проходили над головой, темнея, и уже на востоке становились холодно-синими, цвета холодного ветра и замерзающего моря. Виднеющийся в отдалении лес с едва шевелящимися деревьями прощально махал вслед уходящему солнцу в ожидании холодной ночи. Далекый, печальный и прекрасный вой слепого пса, зависший на одной высокой ноте, подхваченный еще несколькими голосами, пел прощальную песню. Картина вмиг овладела Трофимом, влилась в него каждой каплей света и оттенка, каждым звуком и запахом, объемно и глубоко поднимая восторг и вышибая слезу.

– Господи, как красиво, – расплакался Трофим, – Баян...

это, это же просто волшебство! – вытирая слезы счастья, сказал он.

– Это волшебство, да... и немного волчьих слез, – прокомментировал Баян.

Еще несколько минут счастья, в течение которых Трофим, как малолетний ссыкун, испытывал дикий восторг по поводу всего. Но наконец его отпустило, он смог успокоиться и взять себя в руки.

– Блин, Баян, ты мне больше этого не наливай, фух... – чувствуя облегчение и душевную легкость, попросил Трофим, – не по-мужски получается. Стыдно, блин.

– Нет, Док, не скажи. Это верное средство от страха. Не от испуга, а от хронического страха, ну ты в Зоне мало был, ты, наверное, не знаешь, как сталкера нашего она ломать может, если жуть ее какая в душу заглянет, да своим поделится. Так что вещь ценная, и стыдиться тут нечего, Док, – спокойно ответил Баян. – Я такие вещи очень приветствую, душа, она же прекрасного требует, так что волчьи слезы любой сталкер для себя оставит, ну и ты, если что найдешь, мне подкинь, мало ли, где встретятся.

– А где их искать?

– Они после тумана остаются, но не после каждого. Тут же в Зоне как? Любая аномалия дает защиту от нее – артефакт. Не полную, но хоть какую-то, как это... рези... резистентность дает. Есть такие туманы, к которым даже приближаться страшно, вот после них и можно найти волчью слезу. Но

найти сложно, надо мордой в землю искать, они ж мелкие все. Это ребята если где залягут, случайно находят, так что ты тоже знай.

– Хорошо, Баян, найду – подберу. Ну... я пойду, что ли? – засобирился Трофим.

– Ага, давай, Док, удачи. Тут по лесенке держись крепче, а то темно.

Сталкер убрал столик, открывая проход вниз. Трофим махнул рукой и исчез в темном проеме. Оказавшись внизу на земле, он поежился от холода, совсем забыв о том, что снаружи сильно похолодало. Сориентировавшись, он двинулся было к себе, но возле одного костра звенела гитара, и Трофим, все еще находясь под действием «волчьих слез», не смог устоять перед душевным порывом и двинулся к сталкерам. Тех сидело шесть человек возле костра, все зашитые в броню, при оружии, но без шлемов. Пахло жареным мясом от жарящихся на нескольких вертелах кусков, коноплей и сигаретами.

– Здравствуйте, – поздоровался он, подергиваясь от пробирающего озноба.

– Здорово, мужик, – раздалось несколько голосов. – Говори, что хотел?

– Да я... к себе шел, а у вас тут гитара... Вот я и зашел, – признался он.

– Зашел, так зашел, – прогудел один. – Полулитра есть?

– Нету, – сконфузился Трофим.

– Так ты это... ты же кадровый у нас? Ты этот новенький с Янтаря? Док? – спросил сталкер с гитарой и с сигаретой в зубах.

– Да я, – пытаюсь узнать спрашивающего в свете костра, ответил ученый.

– А ну, тогда, Док, беги в бар, возьми сигарет, прозрачного, сколько не жалко, и сока какого-нибудь, а мы пока гитарку настроим. Ты ж кадровый, тебе в счет зарплаты всегда дадут. Возьмешь?

– Конечно, – обрадовался Трофим.

– Давай провожу, – басовито предложил один из сталкеров, – а то не положено кадру за таким в одиночку ходить. Я Жук, – представился он, – щас вернемся, с остальными познакомлю. Мохнатый, дай куртей, что ли! Не видишь, человек мерзнет, – прикрикнул он на одного из сталкеров.

Тот быстро достал откуда-то плотную куртку с воротником из хвоста псевдособаки, и куртка тотчас была водружена на Трофима.

– Пошли, Док, – сказал Жук и уверенно пошел к бару, подсвечивая дорогу налобным фонарем.

Через десять минут они вернулись нагруженные тремя бутылками водки, блоком сигарет, литром яблочного сока и двумя рыбными консервами. Мясо на костре жарилось, испуская дивный аромат в морозном холоде. Первые пол-литра они выпили сразу, разлив все по стаканам за знакомство.

– Вот теперь можно и знакомиться, – вытерев усы, важ-

но сказал Жук. – Это Гитара, – указал он на сталкера с музыкальным инструментом, – все вопросы по аранжировке к нему, – Гитара приветственно поднял руку, накручивая колок гитары, от чего встревоженная секунду ранее струна повышала тон. – Это Серый, это Мохнатый, потому что мы его видели, это Чердак – лихой парень, к нему надо с осторожностью. Это Баку, потому что он из Баку. Вот... вроде все.

Каждый сталкер, кто был по ту сторону костра, поднимал руку, а сидящие ближе к Трофиму Баку и Чердак поздоровались рукопожатием.

– Ну-с, господа сталкеры, как там наша плоть, поспела? – потирая руки и присаживаясь, спросил Жук. – Давай кадра потчевать, он, небось, у себя на Янтаре, кроме консервы, ничего и не ел.

– Ну почему, – возразил Трофим, – у нас мясо завозят, свежее.

– Не, Док, то, что завозят, – это так себе. Ты вот на... – Жук отрезал от чего-то кусок и положил его на дощечку, – на вот это попробуй. Это язык плоти.

– Что той самой плоти? – пытаюсь в свете костра разглядеть текстуру и очертания куска мяса.

– Ну я по именам всех не знаю, той самой или не той, но плоти точно. Серый подстрелил сегодня, специально на ужин. Молоденькая, страстная, – Жук расхохотался.

Негромко и ладно заиграла гитара. Трофим, разогретый первыми стаканами и толком не евший весь день, плюнул на

все предубеждения о радиоактивном мясе и о неизвестных точно причинах мутации и запустил зубы в горячий кусок мяса. Сочное, нежное, жирно, полное сока, приправленное и посоленное как надо, оно вызвало у него непроизвольный стон наслаждения.

– О!! – восхитился Жук. – Заценил кадр свининку! Давай за кулинарию, – он разлил еще по стаканам.

Сталкеры чокнулись, разговорились. Завораживающе играла музыка в свете костра. Дымящееся и исходящее паром и запахом мясо плоти, регулярно подаваемое ему на дощечку Жуком, специально из разных мест, от бедра, ребрышко, спинка, щеки, каждый раз вызывало у Трофима неподдельный восторг. Затем Трофим уже по собственной инициативе сходил с Жуком еще за тремя полулитрами, затем со сталкерами пел песни, затем спорил с кем-то из них по поводу зомбированных, не помня точно сути спора, затем вошел в понимание местного юмора и как сумасшедший хохотал от местных бородатых анекдотов, которые сталкеры, видя реакцию Дока, охотно рассказывали, даже на ходу показывая сценки. Потом пришли еще какие-то сталкеры, стало теснее. Потом, далеко за полночь, сталкеры поспорили между собой, съест ли Док малый глаз плоти, а Трофим, которому уже и море было по колено, приказал подать этот глаз сюда. Для такого случая пришлось уже всем табором идти еще за сколькими-то полулитрами, смочив глаз в стакане, Док мужественно пытался раскусить его плотную, скользкую обо-

лочку. Наконец, глаз перестал выскальзывать у него между челюстями и он, брызгая жидкостью, разжевал его. После чего выдал некий витиеватый тост, за смелость и дружбу, и как сказал Гитара, огласив общее мнение: «Ни фи́га не понял, но интересно было просто капец». Затем он опять орал песни, обнявшись, а точнее, повиснув на Баку, после, уже когда сами сталкеры начали клевать носом и раскладывать пенки, он начал призывать всех поймать и пожарить еще одну плоть, даже хватался за чей-то автомат и пытался пройти через мост в открытую Зону, но бойцы умудрились уgomонить его и под руки унесли в комнату, где благополучно и слезно попрощавшись, проследили, чтобы он уснул на кровати. После чего уже сами свободовцы, поддерживая друг друга, через силь ву пле, уступая друг другу дорогу на каждом лестничном пролете и перед каждой дверью, добрались-таки до затухающего костра, где под светлеющим с востока небом завалились спать.

Следующий день Трофим встретил уже с обеда. Ожидая дикое похмелье, он даже растерялся, когда понял вдруг, что голова не болит, не мутит, и вообще, кроме небольшой слабости, нет никаких последствий. Вернувшись к кострищу, он никого не обнаружил, даже бутылок. Очевидно, бойцы убрали все за собой и уже двинули по своим делам. Несколько озадаченный, он прошел в бар, где Товарищ рассказал ему еще несколько моментов, совершенно выпавших у Трофим из памяти. Главным из которых было то, что в баре си-

дел Гипс, и когда Трофим очередной раз заходил за водкой, он пообещал сегодня предоставить список оборудования для лаборатории. Быстро поев, Трофим на листке блокнота бармена написал список необходимого ему оборудования, пытаясь понять, как такое можно будет протащить сюда, в Зону. Мало того что это достаточно габаритные ящики, так еще, насколько он знал, они были все практически штучные и пронумерованы индивидуально. К примеру, его сверхмощный и сверхсовременный электронный 3Д-микроскоп имел заводской номер одиннадцать, а всеволновой спектрометр имел номер двадцать. Подумав, он вычеркнул из списка три наименования, без которых в принципе можно было обойтись, и, сунув листочек в карман куртки, очевидно, уже подаренной ему после вчерашнего, скорым шагом двинулся к Гипсу, в одно из двухэтажных строений.

Гипс сидел, задумавшись, над картой, когда Трофим постучал и зашел к нему. Поздоровавшись, Трофим положил листочек ему на стол.

– Принес? Хорошо, – Гипс прочитал, не особо вчитываясь в названия. – В течение недели будет, – сказал он, хмуро возвращаясь к карте.

– Да?! – удивился Трофим. Насколько он знал, такое оборудование, пусть и не все, но, как правило, делалось на заказ, и сборка с доставкой занимала в лучшем случае месяц. – Можно вопрос?

– Спрашивай, Док, – не поднимая головы, сказал сталкер.

– Это дорогое оборудование, и его делают под заказ, разве можно за неделю завезти его с Большой Земли?

– А что его тащить с Янтаря-то? Прилетит на вертолете и все. Площадка вертолетная готова у нас, карта пролета есть, ну проверим еще квадрокоптерами на всякий случай... Дней за пять, наверное, поставим. Кстати, место выбрал для себя? – спросил Гипс.

– Место выбрал, в первом ангаре справа, только тамхлама навалено много, – покачал головой Трофим, недоумевая, как можно привезти оборудование с Янтаря. – Я только не понял, как с Янтаря?

– Как, как, – откинулся на спинку стула сталкер, оценивая взглядом Трофима, словно определяя, можно ему рассказывать или нет, но потом, видимо, сделал вывод. – Мы с кураторами этой твоей бывшей богадельни подружились там, на Большой Земле, и тут на местах кое с кем водимся. Мы им открытия, изобретения, они нам то, что нам нужно, сейчас оборудование в обмен попросим. Придется им пару козырей приоткрыть, ну что ж, думаю, оно того стоит.

– Да? – очередной раз глупо удивился Трофим.

– Ну, конечно, Док. Ты как будто не знаешь, какие гранты они за каждую безделицу получают. Запиливают промеж своих за милую душу, а вам там, на Янтаре, крохи переппадают. Что ты как маленький, – сталкер посмотрел еще раз на бумажку. – Тут придется что-то посуущественней предложить, и, наверное, не одно. Вот, Док, смотри, – Гипс встал и

прошел к шкафу, где стояли папки с документами. Он достал одну из папок и открыл, – вот блок питания для экзоскелета, здесь, – он пролистнул несколько листов, – здесь показывается, какие артефакты, в какой пропорции и в каком порядке смешиваются, укладываются, в каком корпусе, какие клеммы... Все до мелочей, это же наше изобретение. Мы его выгодно поменяли, ты думаешь, кто бы нам составляющие на экзоскелеты поставлял?

– Не знаю...

– Вояки-то и поставляют, а почему они поставляют? Потому что есть люди, заинтересованные в нашей деятельности. Мы этим людям регулярно поставляем хабар, а они поставляют нам запчасти. Оставляют груз и скидывают координаты. Ты думаешь, почему они на вертолетах нет-нет да и залетают в Зону? Что им тут надо? Их дело – периметр охранять, с заборов по свинкам да собачкам стрелять, а не тут летать.

– Понял, – тихо ответил Трофим, очередной раз понимая, что в этой огороженной бетоном, колючей проволокой и пулеметами территории заинтересованы очень крупные игроки с Большой Земли.

– Ну понял, и хорошо, – кивнул Гипс. – Значит, теперь можешь приступать к подготовке своей лаборатории.

– Так там...

– Знаю, знаю, железо, шлакоблоки, доска. Все это убирается. Иди к Ковалю, он тебе поможет, там до вечера управ-

вишься. Вопросы?

– Нет вопросов, – неуверенно сказал ученый, с трудом представляя, как он с Ковалем управится с горами завалов в ангаре. Но если Гипс сказал, значит, наверное, понимает, о чем идет речь.

– Ну тогда давай, Док, действуй, а мне тут подумать надо. Ходоки наши пропали в километре от Рыжего, мужики думают, что Долг бесится, проверяют.

Гипс снова сел за стол с картой и взял разметочный циркуль в руку, отмеряя расстояния от известных ему точек, соображая, где могут пройти и лучше всего перехватить долговцев, сорвавших злость за провал на Пепелище на ушедших за артефактами сталкерах. Трофим вышел из кабинета, негромко прикрыв дверь. Он только сейчас заметил двух бойцов в экзоскелетах, дежуривших в обоих концах коридора, замерших каменными изваяниями и холодно поблескивающих окулярами. Минут через пять Трофим был у Коваля. Тот сидел позади уже собранного экзоскелета Грома, которого могут переименовать в Нюхача, и позвякивал инструментом, протягивая соединения.

– Коваль, привет, я к тебе, – поздоровался Трофим, перешагивая через растянутые по полу провода.

– Здорово, Док, – крутя трещоткой винт, поприветствовал сталкер, не вынимая не зажженной сигареты изо рта. – Что у тебя?

Вся квадратная мастерская Коваля была тускло освещена

вдоль стен, слабо освещались верстаки и стеллажи с железом и инструментом, зато несколько мощных ламп било в центр, где трудился в настоящее время мастер. Такая, видимо, была его прихоть, и, как известно, хозяин – барин.

– Мне Гипс сказал, что ты поможешь мне там в правой части место под лабораторию расчистить.

– Помогу? – изумился Коваль. – Нет, Док. У меня на это времени нет.

– Так как же я сам? – расстроился Трофим. – Оно же тяжелое.

– Тяжелого на базе нет, пока живой эк-зо-ске-лет! – по слогам, с усилием закручивая последний винт, сказал мастер. – Фу-х, чуть не сорвал, но момент надо соблюдать! Мы сейчас одну штуку сделаем, Док, – прикуривая, сказал он. – Тут у меня есть одна старенькая модель. Первый экзоскелет Свободы. Брони на ней, как против ядерного взрыва, но и минусов полно, сейчас такие не нужны. Ты полезешь в нее, а я ее на тебе откалибрую. Как раз спокойные погрузочно-разгрузочные работы на этом старичке и возможны.

– Да я не умею в нем, я, конечно, не против, но...

– Ерунда. Это старенькая модель, простенькая, но надежная. Поршни в гидроцилиндрах у него в диаметре большие, не то, что в последних моделях, там поршеньки во... – он с презрением показал кончик указательного пальца. – Правда, за счет этого скорость выше, но нам скорость не главное. Можно, конечно, и этого старичка бегать научить, но

тогда поток раз в два увеличить надо, это еще один насос ставить, это веса и размера добавит, и батарейки опять куда втыкать... Короче, Док, скидывай куртей и полезай в скорлупку. – Коваль встал и подошел к чему-то, завешенному синим покрывалом. Одной рукой он сдернул его, подняв пыль, и обнажил песочно-серый экзоскелет. Неказистый и широкий, по сравнению с современными конструкциями экзоскелетов, которые казались верхом изящества боевой машины. – Скорлупа здесь по старинке сделана, где надо и где не надо, перекрывает, тяжесть только лишняя. Я тебе все покажу, пока подключенным походишь, – сказал он и, отсоединив кабель от экзоскелета Грома, пошел к старой модели, где, нащупав разъем, с видимым усилием вставил штекер, и, вынув сигарету изо рта, удовлетворенно выпустил клуб дыма в замигавший экран прибора в его руках.

Трофим скинул куртку. Покрашенный в песочно-серое экзоскелет, состоящий из двух половин, передней и задней, скрипнул засовами и разошелся, обнажив потертые внутренности из серого искусственного материала. Кое-где подкладка была вспорота и зашита, в некоторых местах торчали черные пятки датчиков. Трофим несмело пролез внутрь, просовывая руки и ноги в соответствующие места. Перед его лицом появилось мутноватое стекло маски, под которой находились лампочки, кратковременно проецирующие соответственные обозначения на внутреннюю часть стекла. Вид через стекло был непривычен и неудобен, Трофим перестал

видеть, что делается внизу, вверху и по бокам.

– Надо было тебе в заднюю половину вставать. А ладно, – дымя сигаретой, сказал Коваль, – мы и так можем, – и нажал на кнопку.

Ученый не успел ответить, весь обратившись в ощущения. Задняя половина плавно подтянулась к передней и с едва заметным звуком сомкнулась с передней, отсекая наружные звуки. Тот час включилась подача воздуха, своим шипением заглушающая постукивание затягивающихся автоматически засовов. Перед глазами, чуть ниже привычного, возник Коваль с коробкой в руке. Дисплей коробки светился зеленым.

– Слышишь меня? – спросил он.

Голос его звучал звонко во внутренних динамиках шлема.

– Да, – ответил Трофим, слыша, как его голос поменял тональность.

– Так, – выбрасывая окурок в сторону, протянул Коваль, – это снимаем, это тебе не нужно, – он протянул руку и, подергав снаружи за что-то, снял маску. – Так давай присядь и руками в стороны, – скомандовал он.

Трофим попробовал присесть, но получилось не очень, экзоскелет застыл на полпути. Руки развести полностью в стороны тоже не получилось.

– Щас подправим, – Коваль исчез из виду и вскоре появился с большим гаечным ключом. – Ручки и ножки у тебя короткие, Док, коленки и локотки не контактат там, где должны. Сейчас я подкручу, это быстро.

Он несколько минут подкручивал ноги, Трофим почувствовал, что плотнее стал прилегать к подкладке нижней части тела, то же было и с руками, в какой-то момент его пальцы коснулись конца пальцев экзоскелета.

– Хорош, – крикнул он невидимому Ковалю, орудующему у него за спиной.

Тот тут же остановился.

– Так теперь давай присядь.

Трофим присел и встал с легким гудением приводов. Развел руками в стороны, помахал ими вперед и назад. Мастер все это время следил за цифрами и схемами развесовок на экране. Затем он заставил Трофима сжать кулаки, затем, сведя руки вперед, сдавить их с максимальной силой, наклоняться вперед, еще раз присесть, шагать на месте. Все это время ученый слышал, как включались перепускные клапаны на максимальном усилии, пока Коваль фиксировал и калибровал одному ему известные соленоиды, амперажи, концевики. Наконец все было готово, мастер снова появился впереди, протер маску изнутри концом своей рубашки и, испугав Трофима, резким тычком защелкнул ее на лице. На внутренней стороне стекла спроецировалось несколько синих значков и погасло. Коваль указал на открывающуюся крышку на предплечье, под которой оказался ряд кнопок с рисунками.

– Фонарь включается здесь, распаковка здесь, воздух вот, потеря масла, низкие батареи, перегрев, короткое замы-

кание, кратковременное увеличение мощности, продувка, охранная свой-чужой. В крайнем случае аварийная распаковка подбородком в шлеме, держишь десять секунд красную кнопку. Запомнил? Нет? Ну и ладно, пошли, – скомандовал он.

Трофим развернулся и двинулся вперед, ощущение было такое, как будто он шел по пояс в воде, но все-таки движения получалось делать чуть быстрее. Коваль шел за ним, держа подсоединенный кабелем короб в руках. Пара остановилась возле кучи мусора.

– Выноси на улицу, бери по малой пока, – сказал Коваль.

Трофим взял первую доску. Было удивительно смотреть, как мощная сегментированная лапа хватается за предмет и вне зависимости от его веса изымается из кучи. Единственно, что если он брался за что-то тяжелое, то экзоскелет накренялся, тогда Трофим переносил одну ногу чуть сильнее вперед, присаживался ниже, и дело спорилось. Он сам не заметил, как отсоединился и исчез Коваль. Увлечшись работой, он пару раз включал продувку для охлаждения своего тела, которое находилось в плохо проветриваемой скорлупе. Воздух подавался через фильтры и выдувался через несколько открывавшихся одновременно отверстий на броне. Он сначала жалел, что Коваль не сказал ему, как снимать маску, но, получив куском арматуры по бронированному стеклу, порадовался, что не знает, как снимать маску. Через пару часов появились Худой и Рваный, таща на буксире

из листового железа домашнюю «воронку» и совковые лопаты. К углам железного прямоугольника были приварены металлические клетки, в которых перекачивались черные, негодующие синими искрами артефакты.

– Контрольные испытания! – торжественно объявил Худой.

Оба стали лопатами забрасывать воронку мусором, оставшимся на месте расчищаемого Трофимом пространства. Ржавчина, куски металла, земля, пыль, щепы и тряпки. Воронка гудела и сминала все в небольшие цветные шары, в зависимости от того, что ей кидали. Трофим остановился отдохнуть и посмотреть на испытания парней.

– Она вроде металл, землю и все такое не принимает, – неуверенно сказал он, поняв, что именно его смущает.

– Пусть только попробует не принять, – погрозил ей кулаком Худой, – я ей так не приму, что сама себя примет, – кидая в нее обломки кирпичей, заявил он.

Кирпичи разбивались в пыль и тут же собирались в плотное, скругляющееся на глазах тело, артефакты в клетках тянулись нитями электричества к воронке, словно подпитывая ее. Воронка раз за разом выкатывала из себя шары, размером чуть больше бильярдных. Куски железа, пробиваемые нитями электричества от угловых артефактов, разогревались в красное и дымящимися шарами сразу по нескольку штук скатывались с наклоненного листа в кучу. Наконец испытания были победно завершены тем, что оба сталкера, и Худой,

дой, и Рванный, устали махать лопатами. Трофим попросил оставить утилизатор здесь, чтобы он сам мог кидать туда мусор. Пареньки кивнули и ушли, через минут десять вернулись, таща вдвоем сумасшедший агрегат, собранный из толстого лома, к которому был приварен через уголки широкий и толстый лист броневой листовой стали толщиной чуть ли не в полтора сантиметра. Это была специальная лопата для Трофима.

К позднему вечеру вся правая часть ангара была очищена от складировавшихся там материалов, вынесенных наружу и рассортированных. Мусор скормлен воронке, возле которой скопилась целая куча тяжелых пестрых шаров. Трофим победно оглядел в свете мощного налобного фонаря, который больше был прожектором, и вспомогательных прожекторов, утопленных в плечах экзоскелета, расчищенное место. Он вспомнил, что опять толком ничего не ел. Нажав кнопку распаковки, Трофим выскользнул из скорлупы, подхватил куртку, любезно оставленную ему Ковалем на крюке ангарных дверей, и, пошатываясь от усталости, с дрожью в ногах двинулся к бару, где плотно поел горячего и выпил сладчайший чай. Начав уже клевать носом, он спохватился и, поблагодарив бармена за вкусную еду, отправился к себе в комнату, где, едва раздевшись, завалился и захрапел глубоким сном честно трудившегося человека.

Глава 5. Под кронами

Высокие ели, сосны, дубы и клены внимали своими вершинами благосклонному небу и крикам ворон, в большинстве своем избегающих Рыжего леса, но сейчас вопреки обыкновению облюбовавших несколько черных деревьев, без листьев. Черное племя летунов, десятками орущих чему-то внизу и друг на друга, вдруг разом замолкло, едва на черной поляне внизу появилось движение. Два человека тащили за руки третьего волоком по земле. Его голова безвольно поникла, а серо-зеленый комбинезон с нашивкой оскалившего пасть волка на плече наполовину растегнут. Ноги в ботинках, сначала цепляющие и волокущие перед собой небольшую кучку желтых и бурых листьев, теперь горнули черную и бурую массу крошащейся старостью и гнием лесной подстилки. Дотащив тело до середины черной поляны, они бросили его рядом с еще одним и, не оборачиваясь, пошли обратно. Несколько птиц, каркнув дурными голосами, поворачивались то одним, то другим глазом, стараясь лучше разглядеть лежащих на поляне. Вот один самый решительный летун, громко каркнув, спикировал на голову стоящего внизу экзоскелета с замершим внутри человеком. Ворон, опасливо посмотрев по сторонам и коротко махнув крыльями, спикировал уже на поляну, практически не выделяясь на ней цветом. Сделав несколько осторожных шагов к лежа-

щему вниз лицом человеку, он пристально осмотрел его и подошел к голове, в волосах которой проглядывались седины. Осторожно вытянув голову, он легонько прихватил его за ухо и тут же, коротко хлопнув крыльями, отскочил в сторону, ожидая реакции двуногого. Тело не реагировало. Осмелев, ворон подошел еще раз и на этот раз сильнее долбанул в ухо, боязливо присев и чуть расправив крылья для прыжка в сторону. По-прежнему никакой реакции. Еще несколько ворон спикировало сверху, на последнем взмахе крыла тревожа измельченную чернь мертвой листвы, устилающей поляну. Первый ворон громко и уверенно каркнул и принялся за работу, острым клювом ударяя лежащего в ухо и отчаянно дергая. Эти пожиратели падали всегда знали, где и когда можно поживиться, они находили и безошибочно определяли трупы даже в тумане, прекрасно отделяли раненого мутанта от мертвого и притаившегося, сколько бы часов неподвижно он ни просидел, но тут они просчитались. Глухо застонав, тело перевернулось, показав лицо, на котором ржавыми отметинами проступали новые, незнакомые ранее воронам пятна. Заорав, падальщики забили крыльями и взлетели, стремительно набирая высоту, чтобы больше никогда не возвращаться на это место.

Человек в экзоскелете зашевелился, приходя в себя. Еще через минуту экзоскелет, зашуршав и защелкав приводами, раскрылся на две половины, оставив стоящего и покачивающегося от слабости Овода. Овод, казалось, все это время

был с открытыми глазами, но только сейчас он смог видеть и понимать. После того как медицинский блок выпустил в него все противовирусные препараты и сообщил об этом, он понял, что оказался заражен. Но сейчас его это не волновало. Тело практически не чувствовало боли, но тупая, настырная незнакомая ранее жажда заставляла его трястись. Он увидел два человеческих тела на земле, показавшихся ему чем-то близким и знакомым, но задерживаться он не мог, он даже не попытался искать ПДА или оружие, поскольку жажда, подавляющая разум и волю, требовала большего. Овод сделал несколько шагов, получившихся довольно уверенными, инстинктивно он пошел от черной поляны, окруженной черными деревьями, не оттого, что она ему не нравилась, а оттого, что то ощущение, которое проросло в нем и именуемое жаждой, требовало другого. Поляна закончилась через десяток метров, и он вышел на желтую подстилку, из которой росли и тонкие деревца, и мощные гиганты, закрывающие собой все небо над ним. Отовсюду несло ощущение прохлады и того самого, чего не хватало ему сейчас и так настойчиво требовало удовлетворения. Не понимая, что он делает, он прислонился к ближайшему дереву, небольшому клену, толщиной с человеческую ногу. Обнял его, закрывая глаза от блаженства, чувствуя, как проходящая через дерево прохлада, уходящая в землю и вместе с деревом поднимающаяся вверх, струится к нему, проникая через кожу внутрь, успокаивая настырное и мучающее ощущение. Вдруг поток

прохлады остановился. Овод недоуменно открыл глаза. Вместо крепкого молодого клена он обнимал рассохшуюся черную древесину, с мертвой корой и появляющимися на глазах трещинами. Отступив на шаг, он увидел еще одно дерево, стоявшее рядом, с проходящей по нему прохладой. Прижался. Снова облегчение, снова поток нежной прохлады начал остужать его, но тут же прервался, оставив Овода в смятении. Он открыл глаза, снова черное дерево перед ним, от кончиков корней до самых верхних листьев, он был уверен, что только что оно было живое. Все еще чувствуя жажду, но также и некоторое облегчение, он подошел к огромному исполинскому дубу, пышущему здоровьем, мощью и той самой успокаивающей и несущей ему радость энергией. Дерево было настолько огромным, что, даже разведя обе руки в стороны, он не смог обнять и половину его толстого ствола. Прикинув к грубой, шершавой темной коре, он закрыл глаза, чувствуя, как приятно восстанавливаются и заряжаются клетки его тела. Совершенно новое, но ставшее вдруг естественным ощущение. Почти минуту он нежился в успокаивающем его потоке, чувствуя, как постепенно мельчает и пустеет река вливавшейся в него жизни. Овод открыл глаза. Словно под черным снегопадом стоял он, осыпaeмый черными, хрупкими листьями мертвого дуба, с едва слышимым перестукиванием черные мертвые желуди, больше никогда не родящие ни ростка, сыпались вниз, ударяясь о ветки дерева. Но жажда, наконец, ушла, оставив равнодушие. Овод

поднял глаза, напротив него стоял Ржавый. Что-то поменялось в этот момент. Ржавый больше не казался ужасным, чудовищным существом, он не казался ни чужим, ни далеким, он казался своим. Уже не хотелось узнать, кто он и откуда, это было не нужно, главное, что ему можно было доверять так же, как и себе, и если Овод все еще считал себя человеком, пусть даже не задумываясь об этом, то Ржавый был его старшим братом, исполненным мудрости и силы. Мимо прошли еще двое... братьев с пятнами на лице, отметинами братства, волоча за руки бойца с нашивкой волка на плече, таща его к черной поляне, откуда вышел следующий брат, безумно сотрясаясь от жажды, он прижался к крепкой сосне. Дерево в его объятьях через секунды затрещало ссыхающимися веточками, зашелестело отлетающей вниз хвоей, почернело и умерло. Брат сделал несколько шагов к другому дереву и жадно припал к нему, зажмурил глаза и вдыхая жизнь Рыжего леса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.